

Петръ Николаевичъ Красновъ.

ПОДВИГЪ.

Романъ.

Издательство
Е. СІЯЛЬСКОЙ.

2, Rue Pierre-le-Grand, PARIS (8^e)

1 9 3 2



ImWerden Verlag

München 2008

Всѣ права, въ томъ числѣ права перевода на иностранные
языки и постановки на фильмы, сохранены за авторомъ.

Copyright 1932 by the author.

[5] - Такъ обозначены номера страницъ. Номеръ предшествуетъ страницѣ.

© Совместный проект
Некоммерческая электронная библиотека „Im Werden” <http://imwerden.de>
и православное братство во имя св. Царя-искупителя Николая <http://www.monar.ru>

оцифровано для переизданія въ оригинальной авторской орфографіи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ, КОТОРАЯ МОГЛА БЫ БЫТЬ И ПОСЛѢДНЕЙ И КОТОРОЙ МОГЛО БЫ И ВОВСЕ НЕ БЫТЬ.

Такъ бываетъ во снѣ. Вдругъ незримыя, душевныя, внутреннія очи откроются въ полномъ мракѣ. И — нѣтъ мрака. Никогда невиданные города, помѣстья, лѣса, сады, люди, сцены, приключенія мелькаютъ, смѣняются, исчезаютъ, появляются вновь. Плетется колдовской разсказъ, увлекаетъ... и... закрылись духовныя очи... Мракъ... Небытіе... Усилиемъ сознательной воли откроешь глаза. Куда дѣвались города, лѣса, поля, весь пестрый калейдоскопъ никогда невиданныхъ людей? Передъ изумленными и разочарованными глазами въ мутномъ свѣтѣ, идущемъ изъ узкаго отельнаго корридора, сквозь окно надъ дверью проявляются бѣдная комната, стулъ изъ соломы, грязный коврикъ, раковина умывальника и старая ошарпанная портьера. Вся пошлость бѣдной жизни въ изгнаніи, безъ Родины, безъ цѣли существованія потрясетъ все существо... Съ тоскою закроешь глаза... Опять мракъ... Небытіе... Потомъ снова какія то очи открылись, сознание, пониманіе пробудилось... Какое геройство!.. Какіе подвиги!.. Красота какая!.. По крутой, почти отвѣсной горѣ несется крошечный вагончикъ — такихъ и не бываетъ на свѣтѣ — выше, выше... Тамъ, съ вершины — голубыя дали, и въ нихъ дрожитъ, играетъ, тѣнями переливается несказанно прекрасный городъ. Онъ голубой, прозрачный... Сонное видѣніе говоритъ его имя... Схватить? ... Запомнить? ...

Гуще, сильнѣе мракъ.

Какъ же звали тотъ голубой, прекрасный, далекій, недостижимый городъ?... [6]

Сквозь портьеру глядится утро. Дождь бьетъ въ стекла. Жизнь монотонно шумитъ внизу. И сонный городъ и имя его исчезли изъ памяти, ушли изъ сознанія... Навсегда...

То былъ сонъ...

* *

*

Сномъ казался заливъ, полукругомъ врѣзавшійся въ берегъ. Алыя краски на западѣ погасали. Берега темнѣли. Плоскій, лѣвый, — тамъ, гдѣ широко разлилась Луара, исчезъ во мракѣ. Правый, гдѣ темныя скалы слились съ домами и деревьями и черными зубцами вырисовались въ темнѣвшемъ небѣ, точно сказочный городъ, дрожалъ въ лиловой дымкѣ. На далекомъ мысу, за рѣкой, краснымъ огнемъ вспыхнулъ и угасъ маякъ. Ему бѣлымъ огнемъ отвѣтилъ другой, за Круазикомъ. На горизонтѣ, на далекомъ острову, каждая пять секундъ сталъ загораться бѣлый огонекъ. Море сливалось съ небомъ въ общей мглѣ. Вспыхнули звѣзды. Заиграли алмазами.

Берегъ на много верстъ опоясался вереницею яркихъ электрическихъ фонарей. Отъ ихъ смѣлаго, наглаго свѣта море стало казаться темнѣе.

Красота несказанная была кругомъ. Черныя валы съ тихимъ ропотомъ вставали надъ уснувшимъ моремъ, шли къ берегу, становились длиннѣе, уже, и вдругъ опѣнивались шипящей, бѣлой полосой, рассыпались о прибрежный песокъ и исчезали. Сзади нихъ поднимались другіе, тянулись черными чертами, вспыхивали бѣлой пѣной и замирали съ шипѣніемъ на берегу. Море дышало въ ночномъ снѣ. Кто то Незримый и Могучій линовалъ по нему черныя полосы и сейчасъ же стиралъ блестящими, серебромъ играющими чертами.

Конечно: — сонъ...

* *
*

Снилась женщина, зябко кутавшаяся въ дорогой, широкой мѣхъ. Она сидѣла въ деревянномъ отельномъ креслѣ у желѣзныхъ сквозныхъ перилъ набережной. Голубая шляпка съ внизъ спущенными полями скрывала золото ея волосъ. Свѣтло голубой жакетъ и юбка, такая же, точно такой же матеріи сумочка — все добротное, дорогое, въ лучшемъ магазинѣ, у моднаго портного сдѣланное, необычайно шли къ ея юному, нѣжному, не испорченному жизнью лицу. Точно голубая птичка прилетѣла изъ далекихъ, заморскихъ странъ и усѣлась въ креслѣ на берегу океана.

Противъ нея, придвинувъ другое, такое же тяжелое кресло, сидѣлъ старикъ. Смятая, выдававшая виды, испытавшая дожди и сушку на печи, мягкая шляпа съ отвисшими, кривыми, точно мышами изъѣденными полями, широкое пальто поверхъ костюма, тоже выдававшего виды, съ бахромой внизу штановъ и въ соотвѣтствіи съ костюмомъ — старое тонкое лицо, сѣдые, не модные усы, все тоже изношенное, истомленное лишеніями и страданіями, старомодное, „старорежимное” — такъ не шло оно къ женщинѣ — синей птицѣ, принцессѣ грезѣ, прилетѣвшей изъ далекихъ странъ, какъ не подходитъ отельный номеръ бѣженской яви къ лучезарному, голубому виду прозрачной долины бѣженскаго сна.

Старикъ рассказывалъ длинную исторію. Женщина иногда задавала вопросы. Иногда дополняла рассказъ старика своими переживаніями въ этотъ страшный и великій годъ міровыхъ потрясеній.

Онъ рассказывалъ: — мелкая, безотрадная людская пошлость. Жизнь изо дня въ день. Свары и ссоры, сплетни и безудержная болтовня, нищета, бѣдность, муравьиная бѣготня за заработкомъ — людской муравейникъ — это и была жизнь, явь, подлинное бытіе... Она слушала, широко раскрывъ, — въ темнотѣ они блистали — свои голубо-зеленые глаза, изумлялась, возмущалась, пожимала плечами, ежилась, кутаясь въ пушистый, нѣжный мѣхъ.

Но понимала: — такъ оно и было, ибо и ея коснулась пошлость людской жизни. Такъ должно было быть на землѣ, гдѣ стало тѣсно жить... [8]

А потомъ, какъ во снѣ, открывались внутреннія, душевныя очи и вдругъ въ прозрачной, голубой дали появлялись сильные духомъ люди, великіе изобрѣтатели, мастера, техники, храбрые, волевые мужи, создавалась какая то таинственная организація, уносились въ далекія страны, въ міръ, не тронутый людской пошлостью, и оттуда шла борьба за правду.

И самая борьба казалась сномъ. Кошмарнымъ сномъ казался рассказъ о жизни рабовъ на далекомъ сѣверѣ. Ихъ освобожденіе казалось сонной мечтой.

И снова были простыя слова яви. Все покрывалось мракомъ людской пошлости... Глупая сплетня, ненужное пошлое хвастовство, трусость маленькой души — и отъ этого — крушеніе дѣла и гибель самоотверженныхъ людей.

И опять шелъ рассказъ о рядѣ героическихъ подвиговъ, о любви къ Родинѣ, готовой на жертву, о справедливости, о торжествѣ правды и въ самой смерти.

Было, какъ въ морѣ, что было передъ ихъ глазами — бѣлая полоса стирала черную и исчезала, тихо тая въ пескѣ, и на мѣсто ея сейчасъ же вставала другая, чтобы исчезнуть, какъ и первая... И такъ въ утомительномъ постоянствѣ.

Сонъ ?...

Да... Какъ сонъ...

— Они все погибли?

Старикъ, молча, наклонилъ голову.

Женщина въ душевномъ порывѣ положила красивую холеную руку на жесткую, загорѣлую руку старика и повторила дрожащимъ отъ слезъ голосомъ.

— Они погибли... Значитъ — дѣволъ побѣдилъ Бога... Зло побѣдило Добро... И правды опять нѣтъ на землѣ... Это былъ мигъ... Просвѣтъ... Сонъ?...

Старикъ не отвѣчалъ. Ни молодая женщина, ни онъ не замѣтили, какъ за этимъ разговоромъ о томъ, какъ пошлость боролась съ героизмомъ прошло время. Фонари на набережной погасли. Блѣдный разсвѣтъ начинался на берегу, за отелемъ. Море ушло, обнаживъ [9] плотно убитый песокъ. Звѣздъ въ небѣ не было. Огни маяковъ стали блѣдными и ненужными... Сейчасъ встанетъ солнце.

— О, нѣтъ... Напротивъ, — вдругъ, точно очнувшись, съ оживленіемъ, сказалъ старикъ. — Тамъ, на далекомъ сѣверѣ, народъ всталъ за правду... За Вѣру, Царя и Отечество... Тамъ за эти полгода создана Имперская армія. Ей все покоряется... И, если не помогутъ ваши соотечественники?... Простите, что я такъ говорю, мистрисъ Холливель...

— Говорите... Что же дѣлать? Вы правы... Я понимаю... Нѣтъ... Они теперь не помогутъ... Имъ не до того теперь... Такъ что же, если не помогутъ?

— Наши побѣдятъ...

— Правда, что эту армію ведетъ?...

— Ващъ отецъ, мистрисъ Холливель, ротмистръ Ранцевъ. Рядовому Русскому офицеру Господь далъ быть поборникомъ правды и спасителемъ Россіи.

— А какъ же — „les coccinelles”?... Я не умѣю, какъ это будетъ по Русски...

— Божія коровки.

— Да, эти маленькіе, сѣрые люди?... Они?... Не мѣшали?...

— Напротивъ... Они много помогали этому дѣлу... Они пошли за своими начальниками... Безъ маленькихъ людей не сдѣлаешь великаго дѣла... Они тоже нужны... Да и не все тамъ были Божіи коровки...

— А капитанъ Немо?...

— Онъ, какъ и хотѣлъ... Онъ былъ Русскій артиллерійскій офицеръ. Онъ былъ скромнень. Онъ все сдѣлалъ, все создалъ, отдалъ на дѣло все свое состояніе и... ушелъ...

— Такъ, значитъ, острова Галапагосъ?

— Ихъ не было...

— Да, въ самомъ дѣлѣ... Но „огонь поядающій” — такъ вы мнѣ нѣсколько разъ рассказывали о немъ. Онъ попалилъ не только виноватыхъ, но и правыхъ.

— Не знаю, поймете ли вы меня, мадамъ?... По Русски такъ говорится: — „гдѣ лѣсъ рубятъ — щепки летятъ”... На войнѣ, знаете, не безъ урона... [10]

— О, я хорошо по Русски понимаю... Лучше, чѣмъ говорю... Во мнѣ Русская кровь...

— Я знаю... Я васъ вѣдь вотъ такой маленькой видалъ. Вамъ не было тогда и двухъ лѣтъ.

— Да... Я знаю... Вы мнѣ говорили... Прощайте, генераль... Я не знаю, какъ мнѣ васъ благодарить за вашъ рассказъ...

— Никакъ... Я былъ радъ подѣлиться съ вами тѣмъ, что я зналъ, что еще такъ недавно было величайшей тайной, секретомъ, и что теперь стало достояніемъ газетъ и... толпы...

Они встали... Женщина горячо пожала руку старику и пошла широкими, быстрыми шагами къ громадному отелю, гдѣ едва начиналась утренняя жизнь. Сонные лакеи въ жилетахъ и синихъ фартукахъ подметали высокую, нарядную прихожую.

Старикъ пошелъ вдоль набережной. Ему въ сущности некуда было идти. Его поѣздъ отходилъ въ девять часовъ. Было едва семь. Зимнее солнце еще не вставало.

Было тепло, какъ лѣтомъ. Съ океана, должно быть, изъ тѣхъ далекихъ южныхъ странъ, о которыхъ рассказывалъ старикъ, шло нѣжное ласкающее дыханіе жаркихъ острововъ...

Все это было, какъ сонъ... [11]

ТОМЪ I.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. „LES COCCINELLES”.

...„Рисовать, сказалъ я выше, трудно и, по моему, просто нельзя, съ жизни, еще не сложившейся, гдѣ формы ея не устоялись, лица не наслоились въ типы. Никто не знаетъ, въ какія формы дѣятельности и жизни отольются молодя силы юныхъ поколѣній, такъ какъ сама новая жизнь окончательно не выработала новыхъ окрѣпшихъ направленій и формъ. Можно въ общихъ чертахъ намекать на идею, на будущей характеръ новыхъ людей”... „Но писать самый процессъ броженія нельзя: въ немъ личности видоизмѣняются почти каждый день — и будутъ неуловимы для пера”...

И. А. Гончаровъ. „Лучше поздно, чѣмъ никогда”.

[13] I.

Если бы человѣческія страсти и чувства, симпатіи и антипатіи, любовь и ненависть были подобны взрывчатымъ веществамъ, или положительному и отрицательному электричеству — маленькій домикъ, стоявшій на rue de la Gare должно было бы взорвать и разнести на мелкія части. Такъ кипѣли въ немъ скрытыя и сдерживаемыя чувства.

Это былъ совсѣмъ маленький домикъ, какіе не рѣдкость подъ Парижемъ, въ его предмѣстьяхъ. И мѣстечко, гдѣ онъ стоялъ тоже было маленькое и незначительное, какъ то незамѣтно сливавшееся съ другимъ, уже значительнымъ и богатымъ городкомъ, имѣвшимъ даже за собою какое то историческое прошлое. Подобно Медону оно было заселено Русскими бѣженцами. Да оно и походило на Медонъ. Въ немъ, какъ впрочемъ и во всякомъ французскомъ мѣстечкѣ, были avenue du Marechal Joffre, rue de la Gare, place du Marché, все, какъ полагается во всякомъ мѣстечкѣ, имѣющемъ претензіи стать въ будущемъ городомъ. Въ немъ были и двѣ Русскія церкви: — Соборная и Евлогіанская. Были и свои Русскія знаменитости: — музыкальный критикъ изъ большой Парижской эмигрантской газеты, отставная артистка Императорскихъ театровъ, бывший прокуроръ Судебной палаты и шесть настоящихъ „царскихъ” генераловъ. Былъ въ немъ еще какой то казачій квартетъ и два церковныхъ хора. Все это создавало Русскую, „нашу” жизнь мѣстечка и въ той или иной степени вліяло и на развитіе страстей въ маленькомъ домикѣ на rue de la Gare.

Въ этомъ домикѣ, если считать правильно, былъ одинъ этажъ и одна квартира. Но въ немъ считалось три этажа и три квартиры. Главную, центральную, изъ [14] двухъ крошечныхъ комнатокъ, которымъ предшествовала совсѣмъ уже миниатюрная прихожая съ

уборной, занимала семья Нордековыхъ. Она состояла изъ мужа, полковника въ прошломъ, конторщика въ настоящемъ, жены, въ прошломъ тонной и красивой барыни, игравшей на роялѣ и знавшей четыре европейскихъ языка, въ настоящемъ стенотипистки при одномъ учрежденіи, назначенія котораго она никакъ не могла понять, и наконецъ, „мамочки”, старушки семидесяти лѣтъ, бывшей когда то фрейлиной Двора. Надъ ними въ единственной комнаткѣ мезонина, изъ за покатою, крутой крыши, замѣнявшей потолокъ, походившей на Русскій гробъ, гдѣ лѣтомъ въ жары изъ за раскаленной черепицы было нестерпимо душно, а зимою въ дожди сыро и холодно, помѣщалось „чадо”, сынъ Нордековыхъ, 23-хъ лѣтній молодой человекъ, носившій имя Александра — Шура, — но называвшійся Мишелемъ Строговымъ, — Парижскій шофферъ.

Наконецъ, нижнюю квартиру, въ полуподвалѣ, занимала сапожная мастерская казака Агафюшкина. Ее держалъ шестидесяти пяти лѣтній крѣпкій старикъ Нифонтъ Ивановичъ, съ внукомъ Фирсомъ, сожителемъ, соживавшимъ съ какою то полькою.

Къ этому пестрому и различному населенію, напоминавшему совѣтскія, уплотненные квартиры, слѣдуетъ еще прибавить полковникову собаку Топси, коричневаго породистаго добермана, съ рыжеватыми подпалинами и умными глазами, сіявшими изъ черныхъ вѣкъ, какъ два блестящихъ желтыхъ топаза.

II.

Шесть часовъ утра. Сырой и сѣрый, мгlistый, дождливый октябрьскій день никакъ не можетъ народиться. Если выдти черезъ рыночную площадь, гдѣ почта и мэрія, и спуститься по широкой каштановой аллеѣ къ берегу Сены, откуда открывается прекрасный [15] видъ на Парижъ, то ни Сены, ни Парижа не увидишь. Все покрыто густой, непрозрачной мглою, клубится черными дымами и тучами, и мороситъ, мороситъ, мороситъ безъ конца надобдливый Парижскій дождь.

Въ верхней комнаткѣ, въ „гробу”, надобливо, залиvisto, протяжно и нудно залился будильничный звонъ. Онъ точно какимъ то острымъ, ядовитымъ лезвиемъ прорѣзалъ домикъ и, казалось, съ тою же одинаковою, тоску наводящею силою, съ тою же кажущеюся безконечностью и непрерывностью раздался по всѣмъ этажамъ, сталъ слышенъ и у сосѣдей, въ другихъ такихъ же домикахъ — виллахъ.

Мишель Строговъ, спавшій на широкой постели, занимавшей почти всю его комнату, сдернулъ съ себя старое суконное одѣяло, и еще мутными глазами осмотрѣлъ облѣзлыя, ничѣмъ неукрашенныя стѣны. Онъ не остановилъ звона будильника, хотя и зналъ, что этотъ звонъ будитъ раньше времени его родителей и бабушку. „Вотъ еще! Чего ихъ нѣжить — буржуевъ” — всякій разъ утромъ думалъ онъ, вспоминая мольбы матери и выговоры отца.

Мишель поднялся съ постели и, скинувъ рубашку, голый подошелъ къ окну. За окномъ, доходившимъ до полу, былъ крошечный балкончикъ. Онъ былъ такой маленькій, что выйти на него было нельзя, и устроенъ онъ былъ по прихоти архитектора, а, можетъ быть, для болѣе яркой рекламы домику: — „квартира съ балкономъ”. Мишель открылъ дверь. Посерединѣ двери былъ подвѣшенъ довольно большой мѣшокъ съ пескомъ. Онъ долженъ былъ, по мысли Мишеля, изображать вооруженную боксерской перчаткой руку противника. Мишель толкалъ мѣшокъ, онъ отлеталъ въ сторону и съ силою стремился обратно на Мишеля и тотъ, увертываясь отъ него, толкалъ его снова. Узко поставленные глаза Мишеля сверкали, злобная улыбка кривила худыя плоскія щеки, тонкія губы сжимались и становились еще тоньше. Все его тѣло изгибалось, выпрямлялось, онъ то отскакивалъ отъ мѣшка, то наступалъ, нанося ударъ за ударомъ. Онъ походилъ въ эти минуты на дикаря, танцующаго воинственный танецъ. Онъ топалъ съ силою [16] босыми ногами,

нисколько не беспокоясь, что подъ нимъ спала его бабушка. Онъ былъ занятъ „дѣломъ”, интересовавшимъ его болѣе всего. У него была одна, все поглощавшая страсть — стать знаменитымъ боксеромъ, такимъ, какъ Карпантье, побѣдить всѣхъ, стать чемпиономъ „легкаго вѣса”, заработать миллионы, видѣть поклоненіе толпы, и тогда... дальше его голова отказывалась думать. Не хватало воображенія. Дальше въ мечтахъ была своя машина „Люксъ”, какаянибудь Эспано-Сьюза, а еще лучше гоночная машина съ необычайной силы моторомъ, и установленіе міровыхъ рекордовъ. Хорошо было бы еще и летать. Но летать непремѣнно такъ, какъ еще никто не леталъ. Напримѣръ долетѣть до луны, или до какойнибудь тамъ звѣзды... А для этого было нужно быть сильнымъ, ловкимъ и здоровымъ. Для этого „физ-культура”, для этого утренняя гимнастика и боксъ по своей собственной системѣ.

Когда то, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, Мишель Строговъ былъ славнымъ десятилѣтнимъ мальчикомъ, съ русыми мягкими волосиками, онъ готовился поступить въ корпусъ и продолжить славное служеніе Отечеству рода Нордековыхъ. Но, налетѣла революція. Отецъ, бывший на фронтѣ, очутился въ Добровольческой Арміи, мать, послѣ долгихъ мытарствъ, арестовъ, издѣвательствъ, послѣ многолѣтней разлуки, по объявленію отыскала мужа уже въ Парижѣ, и помчалась, преодолевая тысячи опасностей и лишеній, къ нему. Шура оставался сначала на попеченіи бабушки. Началась для него новая, необычная, полная впечатлѣній жизнь. Пролетарская школа второй ступени... Холодъ и голодъ. Новый языкъ, хулиганскій жаргонъ какой то, раннее развитіе и познаніе жизни. Грязныя, развратныя дѣвчонки. Дома — чопорная бабушка, не понимавшая своего внука и боявшаяся его. И мало по малу славный мальчикъ Шура преобразился въ гражданина Нордекова. Онъ пересталъ креститься на храмы Божіи, пересталъ ходить въ церковь, проникся уваженіемъ къ физической силѣ, записался въ комсомолъ.... Потомъ вдругъ какъ то прозрѣлъ, испугался, что его возьмутъ въ красную армію и при самыхъ невѣроятныхъ обстоя[17]тельствахъ, забравшись на шведскій пароходъ въ Ленинградѣ, бѣжалъ за границу. Безъ паспорта, безъ какого бы то ни было документа о томъ, кто онъ, Мишель сталъ пробивать себѣ дорогу жизни. Попалъ во Францію, использовалъ свои знанія французскаго языка, полученныя въ раннемъ дѣтствѣ отъ матери, и съ перваго же знакомства съ полицейскимъ комиссаріатомъ съ чисто совѣтскимъ искусствомъ лжи сдѣлался французскимъ гражданиномъ Мишелемъ Строговымъ и выправилъ себѣ всѣ нужныя для этого бумаги.

— Какъ странно, Мишель Строговъ?... Совсѣмъ, какъ въ модномъ фильмѣ, — сказали въ полиціи.

Ему, конечно, не повѣрили бы и не дали бы ему документовъ, да уже по очень необычному дѣлу онъ попался въ полицію. Онъ безъ всякихъ на то правъ ѣздилъ на такси. Пассажиръ забылъ въ каретѣ бумажникъ съ деньгами, болѣе трехсотъ тысячъ франковъ. Шофферъ всѣ деньги доставилъ въ полицію и отказался отъ вознагражденія. Сѣдокъ, почтенный французъ, пораженный честностью и безкорыстіемъ молодого человѣка съ такимъ необыкновеннымъ прошлымъ, съ такою громкою Жюль Верновскою фамиліей, съ лицомъ скорѣе симпатичнымъ, сталъ хлопотать за Мишеля. У него были связи въ томъ французскомъ городѣ, гдѣ это случилось, Мишель Строговъ былъ признанъ и получилъ права французскаго гражданства. И потекла его новая безпечная жизнь молодого француза, который не былъ французомъ. Были маленькія связи съ мидинетками, были увлеченія кинематографомъ и танцами и все вылилось въ упорное стремленіе къ славѣ, къ деньгамъ, къ извѣстности, къ послѣ военной знаменитости. Были колебанія кѣмъ стать: — первымъ футъ-болистомъ, танцоромъ, кинематографическимъ артистомъ, велосипедистомъ, побивающимъ рекорды, или еще кѣмънибудь. Боксерская слава, сказочные оклады, выплачиваемые чемпионамъ бокса окончательно убѣдили его и опредѣлили направленіе его карьеры. Съ документами Мишеля Строгова ему уже не трудно было перебраться въ Парижъ и устроиться шофферомъ въ гаражѣ. Здѣсь, и совершенно слу-

чайно, онъ узналъ изъ газеты, взятой имъ у сосѣда, Русскаго шоф[18]фера, что полковникъ Нордековъ въ какомъ то открытомъ собраніи будетъ дѣлать докладъ. Мишель пошелъ на это собраніе больше изъ любопытства, чѣмъ изъ сыновнихъ чувствъ. Узналъ отца, нашелъ въ числѣ слушателей мать и пришелъ къ нимъ. Встрѣча была трогательная, но она не тронула Мишеля... У него уже выработался спокойный, практическій, чуждый сентиментальности, взглядъ на жизнь. Онъ изъ совѣтской школы второй ступени зналъ, что отецъ и мать это только фізіологическія понятія, и на родственныя чувства гражданину новаго, послѣвоеннаго вѣка съ высоколетящаго аэроплана наплевать. Но, когда уже въ крошечномъ домикѣ, на rue de la Gare высокая, болѣзненная, худая женщина сначала обняла его со слезами и расцѣловала, а потомъ, точно смутившись, оттолкнула его и стала разсматривать, разговаривая сама съ собою вслухъ, онъ смутился. Какая то теплая волна пробѣжала по его жиламъ, и онъ не могъ найти ей соответствующаго фізіологическаго объясненія. Пришлось бы говорить о душѣ, а то, что у человѣка нѣтъ никакой души, что всѣ его движенія и помыслы легко могутъ быть объяснены и истолкованы съ медицинской точки зрѣнія — все это было еще въ ранніе годы пребыванія въ совѣтской школѣ второй ступени имъ хорошо усвоено.

— Вотъ ты какой, — говорила между тѣмъ женщина, носившая имя матери, и Мишель съ любопытствомъ и волненіемъ, въ которомъ ему самому не хотѣлось признаться разглядывалъ ее. Она была очень худая. Ея лицо носило слѣды красоты, той красоты, какою каждая мать кажется красивой своему ребенку. Оно было вмѣстѣ съ тѣмъ очень усталое, измученное жизнью и лишеніями. И только глаза ея сверкали особеннымъ восторгомъ, совсѣмъ непонятнымъ Мишелю, но почему то дорогимъ и льстившимъ ему.

— Вотъ никогда бы не подумала, что у тебя будетъ такое лицо? Ты всегда былъ у насъ кругленькій. И вотъ тутъ у тебя были ямочки... И рѣснички были у тебя длинныя, предлинныя... И то сказать сколько ты... Сколько мы всѣ пережили...

Она хотѣла его спросить, вѣруеть ли онъ въ Бога, [19] молится ли, ходить ли въ церковь, — и не посмѣла, а онъ ее понялъ безъ словъ и нахмурился, и когда нахмурился, сталъ уже совсѣмъ не похожъ на того славнаго вихрастаго мальчугана, который такъ изящно носилъ бѣлую матросскую рубашечку, отороченную голубымъ и кого она готовила въ корпусъ. Она всмотрѣлась въ него. Она его узнавала и не узнавала. Припоминала его прежнія черты и отыскивала ихъ въ этомъ молодомъ человѣкѣ въ странной для ея Шуры шофферской одеждѣ. Онъ былъ ей родной и чужой въ тоже время.

Откуда у него такъ близко поставленные глаза и эта упорная, непонятная, неразгаданная мысль въ нихъ? Мысль маніака или сумасшедшаго... Онъ смотрѣлъ на нее, не мигая, и не могла она угадать, что онъ про нее думаетъ.

— Шура, — сказала она съ нѣжною ласкою, — ну, расскажи намъ, какъ ты добрался до насъ, какъ жилъ всѣ эти годы?... Господи!... десять съ лишнимъ лѣтъ мы не видались... Оставила я тебя мальчишкомъ, а вижу взрослымъ молодымъ человѣкомъ. Но ты вѣдь мнѣ не чужой?... Да, мой родной?... Мой милый...

— Не называй меня... — Тутъ логически должно было послѣдовать слово: — „мама”, но оно не послѣдовало. Оно точно выпало изъ памяти Шуры, какъ выпадаетъ слово изъ печатнаго набора, и Шура его не произнесъ. Она ждала и жаждала этого слова, и, не услышавъ его, смутилась и все прислушивалась, какъ онъ будетъ ее называть?... Онъ ее никакъ не называлъ. Говорилъ „ты”, можетъ быть, потому, что она ему говорила „ты”, но за этимъ сердечнымъ „ты” былъ холодъ безъимянности.

— Не называй меня Шурой. Особенно при другихъ... при французахъ. Я Мишель... Мишель Строговъ. Вотъ мой паспортъ.

Онъ ей подалъ паспортъ. Паспортъ былъ французскій, и въ немъ дѣйствительно было прописано, что онъ Мишель Строговъ, родившійся въ Россіи.

— Но какъ же это такъ?... — растерянно спросила она. — Ты перемѣнилъ подданство?... Ты больше не русскій?

[20] Ей это казалось ужаснымъ. Просто таки невозможнымъ. Онъ холодно посмотрѣлъ ей прямо въ глаза и съ тихой жуткой усмѣшкой сказалъ:

— А ты развѣ русская?...

Она поблѣднѣла. Ударъ, ей нанесенный, былъ слишкомъ силенъ. Ей казалось — она его не снесетъ. Но она продолжала настойчиво допрашивать. Она хотѣла знать всю правду, какъ бы ни казалась она ей ужасной.

— Но какъ же ты сталъ французомъ?.. Ты лгалъ?... Въ это слово она вложила всю силу души, все возмущеніе и отвращеніе ко лжи.

Онъ не смутился. Казалось, даже не понялъ, какое такое преступленіе онъ совершилъ. Его лицо оставалось холоднымъ. На немъ появилась презрительная, чуть замѣтная усмѣшка.

— Я выросъ и воспитался въ огнѣ революціи. Буржуазные предрасудки мнѣ чужды. Почему нельзя сказать то, что выгодно и нужно по данному моменту? Это просто непрактично и глупо. Мнѣ иначе нельзя было. Надо было жить. Безъ этого нельзя было пробиться и стать человѣкомъ. Быть человѣкомъ — это главное. Это самоцѣль. А тамъ русскій, французъ, нѣмецъ, японецъ — не все ли одно?... Это отсталыя зоологическія понятія... Я съ ними не считаюсь. Да что тамъ говорить!... Мы люди разныхъ поколѣній... Не стоитъ объ этомъ спорить.

Мишель охотно согласился остаться жить въ ихъ маленькомъ домикѣ, носившемъ скромное наименованіе: — „Les Coccinelles”. Они осмотрѣли комнатушку наверху, переговорили съ хозяиномъ и на другой же день Мишель перебрался со своимъ болѣе, чѣмъ скромнымъ скарбомъ къ родителямъ. Онъ сдѣлалъ это не потому, что ему пріятно и радостно было зажить съ родителями — у него этого чувства не было — а потому, что нашелъ это для себя во всѣхъ отношеніяхъ выгоднымъ. Онъ этого и не скрывалъ. Онъ установилъ въ своей комнатѣ свои порядки, какъ ему было удобно, не стѣсняясь никѣмъ и ничѣмъ.

— Здѣсь я физ-культурой могу заниматься, — ска[21]залъ онъ, — да и жилплощадь здѣсь больше, чѣмъ у меня на старой квартирнѣ. И платить меньше...

Совѣтскія словечки и неприкровенный матерьялизмъ и практичность коробили его мать, но она промолчала. Онъ въ этомъ не былъ виноватъ. Она надѣялась, что съ теченіемъ времени, ей удастся перевоспитать его и вернуть къ Богу и къ семьѣ.

Тѣмъ болѣе не могла она обвинять сына, что она знала, кто виноватъ во всемъ ужасномъ крушеніи Россіи. Вся исторія послѣднихъ лѣтъ была ею глубоко продумана и приговоръ былъ постановленъ.

III.

Тотъ самый ѣдкій, нудный и непрерывный звонокъ, который будилъ Мишеля Строгова, заставлялъ просыпаться и его мать, Ольгу Сергѣевну. Она открывала глаза, смотрѣла на чуть сѣрѣвшую щель между занавѣсью и окномъ и съ мучительнымъ сердечнымъ надрывомъ думала: — „Господи, хотя бы не заводилъ онъ такъ полно!... Еще и еще... Когда же это кончится? Не могу я больше, кричать готова... Это хуже зубной боли... И теперь я уже ни за что не засну... А вѣдь только всего шесть часовъ”.

Она и точно не засыпала. Длиннымъ свиткомъ разворачивались передъ нею послѣдніе, страшные годы жизни. Она, прищурясь, смотрѣла на спину лежащаго рядомъ мужа. Она въ эти минуты всѣми силами души ненавидѣла его.

„Кто виноватъ?.. Онъ во всемъ виноватъ!... Онъ!... Они, ему подобные!... Боги!... Правители!... Рѣшители нашей, простыхъ смертныхъ судьбы... Полковникъ Генеральнаго Штаба... Всегда „выдающийся”, хвалящійся точнымъ исполненіемъ долга. Да гдѣ же это

исполнение долга?... Военные, такие, какъ ея мужъ, вотъ, кто виновники всего, всего, что случилось. Она дѣвчонкой, когда онъ начиналъ ухаживать за нею, знала, въ чемъ сущность военной службы и солдатскаго долга. Тогда она гордилась, что за нею ухаживаетъ военный... Жена защитника Престола и Отечества! Эту радостную гордость [22] она усвоила съ первой брачной ночи, когда такой красивый и эффектный явился онъ къ ней въ спальню въ полной парадной формѣ и, взявъ шашку подвысь и салютуя ей, сказалъ: — „надѣюсь, что вы готовы исполнить вашъ долгъ жены”... Это было такъ красиво и сильно: — долгъ!... И ихъ жизнь прекрасно и ярко началась. Она свой долгъ жены исполняла и дальше свято и честно, безъ компромиссовъ. Она на войну пошла сестрою милосердія, и безъ трепета, ничего не боясь, понесла свой долгъ сестры... „Ну, а вотъ вы, вы всѣ офицеры и генералы Генеральнаго Штаба, стратеги, „наполеоны”, исполнили вы свой долгъ и можетъ быть спокойна сейчасъ ваша совѣсть?.. Спать... И не подозреваетъ, что я про него думаю... что знаю и въ чемъ обвиняю... Да, обвиняю... Гдѣ и въ чемъ былъ вашъ долгъ?”

Вдругъ встала въ ея памяти громадная разоренная пожаромъ войны страна, по которой она проѣзжала въ санитарной двуколкѣ. Ряды обугленныхъ березъ по сторонамъ дороги и торчащія изъ чернаго пепелища кирпичныя трубы. Точно увидала она въ это утро потревоженнаго сна испуганную дѣтвора, женщинъ съ голодными глазами, бѣгущихъ, куда глаза глядятъ, услышала вновь въ это Парижское утро изъ холоднаго далека тѣ слова, что такъ часто слышала она въ тѣ ужасные годы: — „Вшистка знищено... Жолнержи були — вшистка забрали... Дѣтей кормить нечѣмъ”... Чьи жолнержи?... Защита отечества?... Точно видѣла она сейчасъ это отечество, не защищенное, не обороненное войсками. Она отлично помнила, какъ, когда готовился ея мужъ къ поступленію въ Академію висѣла въ ихъ спальнѣ громадная карта этого самаго отечества. Она наизусть заучила его границы. Отъ Варангеръ фіорда на юго-востокъ, не доходя до рѣки Муоніо... А тамъ отъ Мемеля... Вотъ вьется она прихотливымъ изгибомъ блѣдно зеленая, оттѣненная по краю государственная неприкосновенная граница. Загибаетъ, широкимъ языкомъ вдавливается въ нѣмецкую землю, очерчивая десять губерній Царства Польскаго. Защита Отечества есть защита этой зеленой линіи и долгъ арміи [23] никого туда за нее не пустить. Въ міровой войнѣ только Германская Армія усвоила эту истину и выполнила въ полной мѣрѣ свой долгъ передъ народомъ... Всѣ остальные шли на компромиссъ... „По стратегическимъ соображеніямъ”... Какъ негодовала она уже и тогда, когда „по стратегическимъ соображеніямъ” сводили въ ничто всѣ потери, всѣ жертвы, весь героизмъ войскъ, всю пролитую солдатскую кровь и отступали, сжигая дома и селенія, не думая о жителяхъ „отечества”. Тогда зародилась въ ней еще неосознанная, непродуманная до конца ненависть ко всѣмъ военнымъ, не исполнившимъ элементарнаго долга, тогда она перестала понимать и уважать мужа... „Защита Престола”... По „политическимъ соображеніямъ” изъ за призрака какого то сепаратнаго мира, изъ за оклеветанной Императрицы измѣнили Престолу и не стали его защищать... Вотъ и дошли до большевизма... Кто же виновень?..

Ужасъ положенія Ольги Сергѣевны заключался въ томъ, что никому, и менѣе всего мужу, могла она сказать все то, что передумала за эти страшные годы переоцѣнки цѣнностей. Кто пойметъ ее? Кругомъ — такое самолюбование! Кругомъ незыблемая увѣренность въ своей правотѣ, въ побѣдѣ. Ей становилось жутко. Сказать все то, что у нея накопилось на душѣ — ее сочтутъ за „лѣвую”... А нѣтъ!... Только не это!!... Нѣтъ, она не лѣвая... Отнюдь не лѣвая... Она болѣе „правая”, чѣмъ всѣ они. Ей Престоль и Отечество не пустые звуки... Какъ бы она ихъ защищала!... Бога она не обвиняла. Она была слишкомъ умна и образована, чтобы мѣшать Господу въ свои людскія дѣлишки и винить Его за свои лѣность, трусость и неграмотность. Нѣтъ, она опредѣленно обвиняла во всѣхъ и своихъ, и чужихъ несчастіяхъ тѣхъ, кому такъ много было дано и кто своего долга не исполнилъ. Она слушала, какъ при ней рассказывали о недостаткѣ патроновъ и оружія.

Она молча и нехорошо улыбалась. — „Зачѣмъ не берегли”, — думала она. Она то видѣла, путешествуя по тыламъ, брошенныя винтовки, воткнутыя штыками въ землю и цѣлыя розсыпи патроновъ на оставленныхъ нами позиціяхъ. Она часто слышала, какъ восхищались „сол[24]датикомъ”, принесшимъ въ лазаретъ не брошенную винтовку, но она никогда не слыхала, чтобы обругали и тѣмъ болѣе наказали солдата, пришедшаго безъ оружія и патроновъ. Кто же былъ виноватъ въ этой распущенности и послабленіяхъ?... Все они же!... Начальники!... А теперь?... Офицеры республиканцы... Офицеры революціонеры... А вотъ изъ за нихъ — эта каторжная жизнь, эта работа въ Парижской конторѣ и выстукиваніе на маленькой стенографической машинкѣ никому ненужныхъ и совсѣмъ неинтересныхъ приказаній и писемъ „патрона”.

Она пѣла въ церковномъ хорѣ Евлогіанской церкви. И она научилась компромиссу. Она пошла въ Евлогіанскую церковь потому, что тамъ регентъ былъ лучше и лучше оцѣнили ея голосъ. Она презирала себя за это, а вотъ все-таки не могла отказаться. Ей церковь давала такую отраду. Такъ радостно было придти въ нее въ воскресенье утромъ, когда еще никого нѣтъ, купить на три франка свѣчекъ и пойти ставить ихъ передъ иконами. Она гибко опускалась на колѣни, шептала съ дѣтства знакомыя молитвы, потомъ поднималась, и съ крѣпкою увѣренностью въ нужности того, что она дѣлаетъ, ставила свѣчи. Она смотрѣла на бумажныя иконы, на скромный иконостасъ — его она и другія женщины колоніи сдѣлали своими руками — и ей казалось, что тутъ все таки есть правда, которая ушла изъ жизни. Она смущалась лишь однимъ — ей порою казалось, что и это ненастоящее, какъ вся ея жизнь стала ненастоящей. За свѣчнымъ ларемъ стоялъ отецъ діаконъ. Онъ былъ коренастый, сѣдой, съ коротко остриженными волосами, похожій въ узкомъ черномъ подрясникѣ на ксендза. Онъ пріятнымъ баскомъ подпѣвалъ ихъ маленькому хору. Но въ немъ не было того духовнаго, что привыкла она видѣть у діаконівъ въ Россіи, и не могла она позабыть, что діаконъ въ недавнемъ прошломъ — уланскій ротмистръ и что у Сусликовыхъ онъ прекрасно подъ гитару поетъ цыганскія пѣсни. И церковь и вся служба иногда вдругъ казались какими то призрачными, точно сонными видѣніями. И тогда являлось сомнѣніе въ существованіи Бога.

[25] Когда она возвращалась, ее встрѣчала „мамочка” и, криво улыбаясь, говорила:

— Ну что же ты намолила у твоего Бога. По крайней мѣрѣ узнала, когда же мы вернемся въ Россію?..

IV.

Мамочка больше не вѣрила въ Бога. Въ свои семьдесятъ лѣтъ Неонила Львовна Олтабасова ударилась въ самый крайній матерьялизмъ.

— Столько было молитвъ, — говорила она, — и Государь и Императрица были подлинно святыми людьми. Если бы Богъ былъ — Онъ ихъ помиловалъ бы... А теперь, прости меня Оля, но какая же это церковь?... Какая и гдѣ вѣра?... И смѣшно вѣрить, когда живешь въ такой странѣ, какъ Франція, гдѣ такъ просто и удобно обходятся безъ Бога.

Неонила Львовна создала свою теорію какихъ то „винтиковъ”, еще не изслѣдованныхъ, но которые вотъ вотъ будутъ открыты учеными, изслѣдованы и изучены, и тогда все станетъ ясно и понятно, и никакого Бога для объясненія тѣхъ или иныхъ явленій не понадобится. Она жадно хваталась за газеты и въ нихъ искала новыхъ открытій и изслѣдованій въ области фізіологіи, геологіи, археологіи, астрономіи и психологіи. И на каждое она смотрѣла съ точки зрѣнія доказательства отсутствія Высшей Силы, отрицанія Бога.

— Вотъ, — говорила она, съ газетнымъ раскрытымъ листомъ входя въ комнату дочери, когда та, усталая и измученная дневной работой, переодѣвалась и умывалась. —

Вотъ, ученые дознались, что вселенная не безпредѣльна, а что и ей предѣлъ есть. Въ милліонахъ лѣтъ свѣтовыхъ лучей радіусъ этотъ, а все таки онъ есть. Вотъ тебѣ и Богъ.

— Вы путаете, мама, — съ досадою говорила Ольга Сергѣевна. Ей противно было смотрѣть на мать. Въ длинномъ, старомодномъ черномъ платьѣ, съ коротко [26] остриженными, сѣдыми, гладко причесанными волосами, — если сзади смотрѣть, когда она сидитъ, и не узнаешь, мужчина или женщина, — неопрятная и распухшая старушка съ новыми и такими „нигилистическими” разсужденіями казалась ей ужасной и ей было страшно, что такъ она думаетъ про свою мать.

— Ничего я не путаю. Читала еще, что нашли черепъ человѣка въ Африкѣ. И тотъ черепъ милліонъ лѣтъ пролежалъ въ землѣ... Вотъ тебѣ и Адамъ!... Ученые теперъ доказали, что человѣкъ существовалъ гораздо ранѣе Бога.

Она съ торжествомъ поджимала губы и маленькими, блестящими, сверлящими глазками смотрѣла на дочь.

— Я увѣрена... я вполне увѣрена, что будетъ день, когда и мои „винтики” откроютъ.

— Какіе „винтики”, мама, — съ сердцемъ говорила Ольга Сергѣевна.

— А вотъ эти самые, которые все дѣлаютъ. И ты думаешь... Богъ?... Это Богъ войну, или грозу, или ведро послалъ?... или человѣкъ умеръ?... Волею Божьей? Это просто — „винтики” такіе въ природѣ вещей. Падаютъ они съ неба, попадаютъ въ атмосферу, поворачиваютъ такъ и эдакъ — и наше вамъ! — война... или вдругъ гриппъ ходитъ по городу... или отецъ убилъ дочь, или Кюргенъ какой нибудь проявился... И я увѣрена, что дойдутъ до того, что и ихъ будутъ ловить и подчинять себѣ, вотъ какъ электричество. Летятъ они, чтобы война тамъ что ли была, а ихъ ученые какими нибудь тамъ радіо-сѣтями поймаютъ... и нѣтъ войны... Вотъ и надули твоего Бога... И безъ всякихъ молебновъ миръ на землѣ. Раньше наши мужики въ засуху, бывало, все молебны служили, съ хоругвями вокругъ полей ходили, а вотъ какъ поймаютъ и подчинятъ себѣ эти „винтики”, такъ и не надо никакихъ поповъ. Наставилъ аппаратъ — и на тебѣ — дождь, или солнышко, что тебѣ угодно.

— Оставьте, мама. Начитались вы газетныхъ научныхъ фельетоновъ и думаете невѣсть какую премуд[27]рость постигли. Базаровы это раньше вашего говорили. Мнѣ это просто тяжело отъ васъ слушать.

— Почему тяжело, — обижалась старуха.

— Вы старый человѣкъ... О другомъ вы должны думать... Какъ же умирать то будетъ вамъ тяжело, когда вы ни во что не вѣрите?

Старуха недовольно крутила носомъ и уходила, шурша газетой изъ комнаты дочери.

— Поди, скажешь тоже. Кому извѣстно, кто когда помретъ. Можетъ быть, еще мнѣ тебя хоронить то придется.

— Все отъ Бога, мамочка, — стараясь говорить кротко, говорила ей вслѣдъ Ольга Сергѣевна.

— Это какъ „винтики”... Куда, въ какую сторону повернутся. На тебя или на меня... А вотъ откроютъ ихъ, и умирать не придется. Сколько пожелаетъ человѣкъ, столько и проживетъ.

Противны и жутки были такія рѣчи въ устахъ человѣка, уже стоявшаго одною ногою въ гробу.

Пронзительный звонок будильника в комнате Мишеля Строгова пробуждал и Неонилу Львовну. Она, крича и охая, поднималась с широкого ложа и, шлепая туфлями, шла к столу разжигать керосиновый примус. Она готовила на всю семью утренний кофе.

Только полковник Георгий Дмитриевич Нордеков продолжал спать крепким сном не знающего забот человека. Он уверял, что никакой шум, если только он лично его не касается не может помешать ему спать. Он рассказывал, что на войне он спал крепчайшим сном под грохот канонады и треск разрывающихся снарядов, и моментально вскакивал едва чуть слышно рипель подлѣ него полевой телефонъ. [28]

Полковник Георгий Дмитриевич был человек военный. Точно с того дня, как затянули его в кадетский мундирчик, он выковался в подлинного солдата и ничто не могло поколебать или изменить его солдатской души. Как раньше он твердо вѣрил в правоту отступлений „по стратегическим соображениям”, не сомнѣвался в томъ, что они побѣдили бы, если бы не проклятая революція, такъ и потомъ, „смѣнивши вѣхи”, снявъ лозунги: — „за Вѣру, Царя и Отечество” и замѣнив ихъ сначала: — „за учредительное собраніе”, потомъ: — „за единую, великую, недѣлимую Россію” и, наконецъ: — „за національную Россію” онъ ни на минуту не сомнѣвался в правотѣ своего дѣла и в правильности работы „вождей”.

Крепкій, пятидесятилѣтній сангвиникъ, в мѣру пополнѣвшій, с красивымъ, холенымъ, всегда чисто выбритымъ, розовымъ лицомъ, с густыми волосами, причесанными на проборъ, онъ был ловокъ и строенъ безъ всякой гимнастики. Членъ многихъ офицерскихъ объединеній, предсѣдатель своего полкового объединенія, неутомимый посѣтитель всѣхъ обѣдовъ, банкетовъ, чашекъ чая, лекцій, внимательный и восторженный слушатель рѣчей на нихъ произносимыхъ — онъ с дѣтскою простотою вѣрил во все, что тамъ говорилось.

Жидовская транспортная контора, гдѣ онъ служилъ, возка ящиковъ с таможи и на таможню, проверка коносаментовъ и накладныхъ, ловкое сованіе франковхъ монетъ в руку вѣсовщикамъ — это все было временное. Это не была жизнь. Просто дурной сонъ. Жизнь начиналась тогда, когда они собирались в задней комнате третьеразряднаго французскаго ресторана, гдѣ для этого случая развѣшивали по стѣнѣ Русскій флагъ, портреты „вождей” и полковые флюгера, когда человекъ семьдесятъ пожилыхъ людей в скромныхъ черныхъ пиджакахъ по командѣ старшаго „господа офицеры” прекращали разговоръ и куреніе и вытягивались у своихъ стульевъ, и входилъ генералъ в такомъ же пиджакѣ, какъ и они. Тогда начинались воспоминанія, рѣчи, старые анекдоты старыхъ временъ. И точно хоро[29]шее вино, чѣмъ старѣ становились они, тѣмъ крепче чувствовались. На этихъ обѣдахъ всегда была бодрость вѣры в завтрашній день — и... в конечную побѣду. На нихъ говорили о Россіи. Они еще не смѣли пѣть Русскій гимнъ. Одинаково воспитанные и равно пришибленные судьбою они были разныхъ убѣжденій и считали не деликатнымъ что нибудь навязывать другому. Пѣли полковыя пѣсни, пѣсни войны и с блестящими отъ выступившихъ слезъ глазами слушали рѣчи ораторовъ. Это и была настоящая жизнь. Все остальное былъ дурной кошмарный сонъ.

Вчера в день ихъ училищнаго праздника ихъ собралось сто двадцать человекъ. Маленькій крепкій, бритый генералъ (онъ былъ среди нихъ старшимъ и по выпуску и положеніемъ) отчетливо, чеканя слова говорилъ с большимъ подъемомъ страстную рѣчь. Цѣлительнымъ бальзамомъ в израненныя души вливались его слова.

Гдѣ то наверху сейчасъ звенѣлъ будильникъ и надъ головою и такъ, чтогнулись доски потолка, топалъ босыми ногами его сынъ — Мишель Строговъ — а полковникъ,

проснувшійся раньше обыкновеннаго ничего этого не слышалъ и не замѣчалъ. Онъ снова и снова переживалъ эту бодрящую, освѣжающую душу рѣчь ихъ руководителя.

— Мы, господа, — повторялъ про себя полковникъ такъ запомнившіяся ему чудныя слова, — не покинули театра военныхъ дѣйствій. Кругомъ царить миръ... Да это правда, но это кажущійся только миръ. Война съ большевиками, война за Россію продолжается...

Это было главное. Это было самое утѣшительное. И какъ это, очаровательно что ли? выходило что вотъ онъ, полковникъ Нордековъ, лежитъ себѣ спокойно на Виллѣ „Les Coccinelles”, потомъ поѣдетъ въ свою транспортную контору, а война все таки продолжается. Нордековъ зналъ, что такое война. Ему приходилось на войнѣ по одиннадцати сутокъ быть безъ настоящаго сна... Онъ зналъ, что значить голодъ... Онъ зналъ, что значить обстрѣлъ тяжелыми батареями, вой, гулъ и трескъ лопающихся снарядовъ, ядовитый запахъ газовъ и тош[30]ное ожиданіе смерти, когда совѣмъ пересыхаетъ во рту и глохнетъ ухо... онъ зналъ, что такое „война продолжается” и тѣмъ не менѣе ему такъ отрадно было слышать эти слова въ мирной обстановкѣ Парижскаго ресторана. Да, война продолжается... Они находятся въ тылу... Развѣ и на войнѣ не бываютъ дни отдыха, затишья, когда послѣ тяжелыхъ боевъ отведены въ глубокой тылъ и ждутъ пополненій?... Правда, это стояніе въ резервѣ длится немного долго... Скоро одиннадцать лѣтъ, какъ смолкъ гулъ пушечной канонады... Но... услужливая память подсказывала примѣръ изъ исторіи и какой примѣръ!... Самого Суворова... Не жилъ ли онъ почти четыре года въ селѣ Кончанскомъ, ходилъ въ церковь, звонилъ на колокольнѣ, читалъ на клиросѣ, училъ деревенскихъ ребятъ... И вдругъ... Итальянскій походъ и переходъ черезъ Альпы!... Да... эти слова были колдовскія, чудныя, несказанно прекрасныя слова. Они все звучали въ ушахъ, какъ великолѣпный сонъ, съ которымъ не хочется разстаться...

— Война не прекращалась ни на минуту, и она не можетъ прекратиться. И тѣ, кто объ этомъ, быть можетъ, по малодушію своему забывали — пусть почувствуютъ напоминаніе этого въ похищеніи Кутепова... Это прорывъ нашего фронта. Военныя дѣйствія продолжаются... Они требуютъ единоначалія... Я поднимаю высоко бокалъ за нашего предсѣдателя... Ваше превосходительство, держайте!... Требуйте отъ насъ безпрекословнаго подчиненія и знайте, что мы исполнимъ свято всякое ваше приказаніе...

Тогда, вчера, казалось, что они встанутъ послѣ этого и всѣ вмѣстѣ пойдутъ на rue de Grenelle мстить за генерала Кутепова... Война продолжается... Фронтъ прорванъ... Онъ долженъ быть восстановленъ...

Они никуда не пошли...

Но, когда тихонько, на носкахъ, боясь воркотни жены, во второмъ часу ночи, крался полковникъ къ себѣ на rue de la Gare и осторожно вставлялъ ключъ въ замочную скважину — бурно колотилось его сердце...

„Военныя дѣйствія” продолжались гдѣ то, помимо него... [31]

Онъ спалъ безпокойнымъ, прерывчатымъ сномъ.

Просыпался и думалъ: — „а вѣдь и точно: — какое то движеніе, сдвигъ какой то есть... Возможно, что французы?... Они, кажется, уже поняли... Да, конечно, мѣшаетъ Брианъ... Но не вѣчно онъ будетъ сидѣть министромъ... Работа Коти... „L'Ami du Peuple” подготавливаетъ общественное мнѣніе... Во Франціи пресса это все... Сербія плац-дармомъ... Тамъ русскія формированія... Что же, пожалуй?... дивизія?...”

У полковника въ рыночномъ письменномъ столѣ, въ лѣвомъ ящикѣ и подъ ключомъ лежала большая тетрадка, то, что въ старину называли „брульономъ” (теперь и слова этого не знаютъ). Въ немъ бисернымъ, аккуратнымъ почеркомъ онъ заносилъ:

„Обученіе звена и взвода въ двухъ недѣльный срокъ”. „Обученіе роты въ три недѣли”. „Пять тактическихъ ученій батальона”. „Тактическая задача для трехъ батальоннаго полка”. „Пулеметныя отдѣленія въ строю роты”. „Служба связи батальона,

полка и дивизіи” — все плоды долгихъ и серьезныхъ размышленій, боевого опыта великой и гражданской войнъ.

Все это пригодится въ тотъ часъ, когда... Онъ этого часа ждалъ и вѣрилъ, что этотъ часъ придетъ...

И вдругъ ноги холодѣли. Отъ нихъ бѣжалъ ледяной токъ къ головѣ. Мысль стыла.

„Нѣтъ, никогда иностранцы не помогутъ. А впрочемъ для чего въ самомъ дѣлѣ намъ иностранцы?...”. На послѣдней лекціи, гдѣ былъ полковникъ, лекторъ представилъ аудиторіи какого то краснаго летчика, перелетѣвшаго изъ С.С.С.Р. для спасенія своей заблудившейся въ „право-лѣвацкихъ” уклонахъ души. И тотъ летчикъ съ развязной самоувѣренностью рассказывалъ, что красная армія — армія національная, любящая Россію и что будетъ день, когда она прогонитъ отъ себя коммунистовъ и сольется съ „бѣлой арміей” и тогда всѣ старые Русскіе офицеры найдутъ въ ней мѣсто и работу.

Тогда его брѣвня, его знанія, его боевой опытъ пригодятся. Онъ перебиралъ въ памяти фамиліи своихъ товарищей по академіи, оставшихся по ту сторону и [32] служившихъ большевикамъ. Какъ то встрѣтится онъ съ ними? Подастъ имъ руку? Найдеть общій языкъ для разговора? Какъ подойдетъ онъ къ строю вчерашнихъ красноармейцевъ и что скажетъ имъ? И что это будетъ за строй?... Дивизія?... Полкъ?... Хотя бы батальонъ!...

Эти мысли прогоняли сонъ... Но отнять эти мысли, — и не будетъ смысла жить... Что тогда останется?... Ненавидящая, презирающая и плохо это скрывающая жена?... Матерьялистка „мамочка”?... И сынъ — хулиганъ, едва ли не большевикъ, Мишель Строговъ!...

Жить не стоитъ... Засунуть поглубже въ ротъ холодное дуло револьвера и гдѣнибудь въ глуши... Въ Версальскомъ лѣсу, или въ лѣсу Фонтенебло... „Sauter la cervelle”, какъ говорятъ французы.

Жить безъ этихъ мечтаній... О Россіи?... Объ арміи?... О томъ, что еще куда то годишься?... Невозможно...

Его жена встала и торопливо совершала свой несложный утренній туалетъ. Полковникъ лежалъ, прикрывъ глаза, и наблюдалъ ее. Какъ обезобразили ее остриженные волосы!... И какая сѣдина въ нихъ!... Когда то онъ такъ сильно и страстно любилъ ее... Цѣловалъ въ шею ниже затылка, гдѣ теперь щетиной торчатъ неопрятные волосы... Бѣдность?... Да, пожалуй, и бѣдность.

— Вставайте, Георгій Димитріевичъ, — повернувшись отъ маленькаго зеркала, сказала ему Ольга Сергѣевна. — А то опять вашу газету не успѣете прочитать.

Полковникъ открылъ давно не спящіе глаза, для приличія потеръ ихъ и сразу обѣими ногами сталъ на полъ. Онъ шагнулъ къ двери, вышелъ въ крошечную переднюю, гдѣ на вехоткѣ лежала Топси, погладилъ заласкавшуюся къ нему собаку, открылъ ей дверь и крикнулъ внизъ:

— Нифонтъ Иванычъ, откройте, пожалуйста, дверь собакъ... Какая погода?...

Снизу, откуда былъ слышенъ стукъ молотка, раздался бодрый стариковскій голосъ:
[33]

— Заразъ, ваше высокоблагородіе. Молоточекъ прекратилъ свою дробь. Внизу скрипнула дверь, и тотъ же голосъ добавилъ:

— А похода есть — дождь!

VI.

Топси — собака особенная. Когда и кто училъ ее этимъ премудрымъ штукамъ — никто не помнитъ. Кажется, полковникъ, когда былъ безработнымъ, скуки ради, объяс-

нялъ внимательно жолтыми топазами, не мигая смотрѣвшей на него собакѣ, что у газетчика въ ларькѣ на place de la Gare есть разныя Русскія и французскія газеты. Есть „Возрождение“, гдѣ редакторомъ Петръ Бернгардовичъ Струве, другъ Добровольческой Арміи, и есть „Послѣднія Новости“, гдѣ редакторомъ Павелъ Николаевичъ Милюковъ — врагъ Добровольческой Арміи, есть газета „Liberté“ — хорошая газета и есть газета „L'Humanité“, очень даже скверная газета. По утрамъ надо приносить газету „Возрождение“. Полковникъ подносилъ къ носу Топси еще влажный, утренній номеръ и давалъ его нюхать. Топси слегка воротила носъ — пахло совсѣмъ невкусно — типографской краской, — но брала, брезгливо поджимая губы и языкъ и морщась, свернутый номеръ и покорно шла за полковникомъ. Потомъ она научилась дѣлать это самостоятельно. Газетчикъ давалъ ей нужную газету, получая отъ полковника расчетъ по окончаніи мѣсяца.

Топси выбѣжала за калитку крошечнаго палисадника, по узкой дорожкѣ, покрытой асфальтомъ, пробѣжала къ воротамъ, мимо маленькихъ, еще спящихъ дачъ и свернула на rue de la Gare.

Моросилъ мелкій дождь. Непріятная была погода.

„Людымъ хорошо“, — думала Топси, — „у нихъ есть зонтики, а какъ я донесу газету, не промочивъ ее? Полковникъ опять будетъ ругаться, а „мамочка“ выгонитъ изъ теплой комнаты отъ „саламандры“, и будетъ [34] ворчатъ, что отъ меня пахнетъ псиной... Эхъ, жизнь собачья!...“

Поднявъ на спинѣ ершомъ шерсть, Топси, бѣжала знакомыми улочками, избѣгая place du Marché, гдѣ всегда бывали собаки, и гдѣ жилъ отвратительный кобель Марсъ, длинный, на короткихъ лапахъ, съ жесткою, какъ щетина, во всѣ стороны торчащею шерстью шоколаднаго цвѣта и съ мордой, такъ заросшей волосами, что еле были видны черные глаза. И это чучело морское, говорятъ, — люди, конечно, говорятъ — очень модная собака!... Этотъ негодяй не пропускалъ ни одной корзины съ салатомъ, или картофелемъ, ни одной груды кочановъ цвѣтной капусты, положенныхъ подлѣ ларьковъ на рынкѣ, чтобы ихъ не опрыскать. Завидѣвъ Топси, дѣловито бѣгущую съ газетой въ зубахъ, онъ норовилъ наскочить на нее сзади и осѣдлать ее своими безобразными, короткими лапами. Онъ тогда тяжело дышалъ, какъ толстый старикъ, и длинный красный языкъ торчалъ изъ безобразной, косматой, шерстистой морды, какъ флагъ революціи надъ лохматыми головами пролетаріата. Надо было увернуться, огрызнуться, можетъ быть, даже и хватить зубами нахала, а какъ это сдѣлать, когда газета зажата въ пасти и нельзя ее выронить на грязной дорогѣ?

У газетнаго ларька стоялъ Лимонадовъ. Топси знала его. Это былъ пожилой господинъ, поэтъ, кажется, единственный Русскій, съ кѣмъ полковникъ никогда не раскланивался. Говорятъ: — большевикъ!... Топси было несприятно становиться при немъ на заднія лапы, опираясь передними о край прилавка и ждать, когда торговецъ достанетъ нужную газету.

Лимонадовъ о чемъ то говорилъ съ газетчикомъ, кивая головою на собаку, и оба смѣялись.

Продавецъ подаль газету Топси. Той хотѣлось поскорѣе отдѣлаться отъ несприятной компаніи, и она, схвативъ газету клыками, и стараясь возможно меньше намочить ее на дождѣ, опроретью бросилась отъ прилавка.

Лимонадовъ и газетчикъ провожали ее почему то дружнымъ хохотомъ.

[35] „Мерзавцы!...“

Полковникъ ждалъ въ „мамочкиной“ комнатѣ, гдѣ кипѣлъ на примусѣ коричневый кофейникъ и пахло керосиномъ, кофе и булками. Тамъ сидѣлъ совсѣмъ готовый, чтобы идти на работу Мишель Строговъ въ каскеткѣ на затылкѣ, и, держа обѣими руками большую тяжелую чашку, пилъ горячій кофе.

Топси, какъ это и полагалось по ея собачьему ритуалу, открыла лапой притворенную дверь, подбѣжала, любезно извиваясь всѣмъ тѣломъ и виляя короткимъ, обрублен-

нымъ хвостомъ, къ полковнику, сѣла передъ нимъ, осторожно толкнула его лапой и подняла голову съ газетой.

Но полковникъ вмѣсто того, чтобы взять газету изъ зубовъ Топси, поласкать ее по головѣ и дать ей кусочекъ сахару, сдѣлалъ свирѣпые глаза и такъ посмотрѣлъ на Топси, что та перестала вилять хвостомъ и уронила газету на полъ.

— Ты что принесла, стерва?... А?...

Топси виноватыми глазами смотрѣла на полковника.

— Нѣтъ, посмотрите, пожалуйста, какая это каналья здѣсь издѣвается надо мною!... Я этому мерзавцу Жюльену пойду и морду набью!

Полковникъ схватилъ съ пола свернутый, мокрый листъ газеты и съ силою злобно ударилъ имъ по носу Топси. Собака отвернулась и заморгала глазами. Въ желтыхъ топазахъ отразились недоумѣніе и страхъ. Полковникъ сталъ бить прикишную къ землѣ собаку по чемъ попало. Топси жалобно визжала. На ея визгъ вбѣжали теща и Ольга Сергѣевна.

— Ты мнѣ что принесла, дрянъ? — бѣшено кричалъ полковникъ. — Ты мнѣ жидовскую газету принесла!... Ты что издѣваешься надо мною?..

— Оставьте собаку, Георгій Димитріевичъ, — закричала Ольга Сергѣевна. — Развѣ она понимаетъ, что ей даютъ?... Можетъ быть „Возрожденіе” сегодня не вышло почему либо, и газетчикъ ей далъ эту газету.

— Не брать была должна!... Я ее, дуру, училъ... Сколько разъ нюхать давалъ и ту и другую. [36]

— Ее читать было нужно учить, а не нюхать, — сказалъ съ насмѣшкою Мишель Строговъ и съ трескомъ поставилъ на круглый столъ пустую чашку.

— Ты что щен...

Мишель Строговъ узко поставленными, строгими, сѣрыми, маленькими глазами посмотрѣлъ на отца и повелъ широкими плечами. Лицо изъ подъ круглой рабочей каскетки казалось наглымъ. Что то хулиганское, „большевицкое” было въ немъ и отъ взгляда Мишеля, насмѣшливаго и властнаго холодъ прошелъ по жиламъ полковника. Молніей пробѣжала мысль: — „трогать его нельзя. Нынѣшняя молодежь... Ей что?... Она и на отца руку подниметь... Или совсѣмъ уйдетъ... А онъ съ его шофферскимъ заработкомъ — главная опора семьи”.

Полковникъ сталъ совать газету въ пасть собакѣ и говорить сердито, стараясь не глядѣть на сына.

— Пойди и перемѣни!... Пойди и перемѣни!

Мишель Строговъ все такъ же насмѣшливо, какъ взрослый на задурившаго ребенка смотрѣлъ на отца. Потомъ вздернулъ плечами, шмыгнулъ носомъ и, ни съ кѣмъ не прощаясь, вышелъ изъ комнаты. Его тяжелые башмаки загремѣли по лѣстницѣ. Звонко щелкнула желѣзная калитка палисадника.

— Позвольте мнѣ газету, Георгій Димитріевичъ, — сказала теща. — Я пойду и перемѣню вамъ ее.

Неонила Львовна была въ старомодной — изъ Россіи еще — черной шляпкѣ грибомъ, въ черномъ старомъ платьѣ, подобранномъ по манерѣ прабабушекъ резиновымъ пажомъ, въ порыжѣлой накидкѣ и съ зонтикомъ въ рукѣ. Она отобрала отъ полковника газету, крикнула собаку и пошла къ дверямъ. Топси, поджавъ хвостъ въ сознаніи горькой обиды, покорно шла за нею. Въ прихожей она взяла въ зубы корзину. Это была другая ея обязанность — носить за „мамочкой” провизію.

Полковникъ, сердито фыркая, пилъ кофе. Противъ него сидѣла Ольга Сергѣевна.

— Хотя бы воспользовались случаемъ и хоть разъ почитали газету другого направленія. А то на все смо[37]трите глазами „Возрожденія”, — говорила она наигранно спокойно.

Полковникъ мрачно молчалъ. Онъ косился на часы, бывшіе у него на ремешкѣ на рукѣ и разсчитывалъ, успѣетъ онъ встрѣтить тещу, или проще самому взять у газетчика, да за одно и выругать его. И онъ придумывалъ слова, чтобы газетчикъ не слишкомъ обидѣлся. „Espéces de nouilles” — не сильно ли будетъ?... Хотѣлъ спросить у жены, да побоялся: — смѣяться надъ нимъ станетъ.

Они вышли вмѣстѣ. Молча, толкаясь раскрытыми зонтиками — полковникъ все никакъ не могъ научиться носить зонтикъ — спустились по узкой пѣшеходной дорожкѣ къ станціи. Молча сидѣли рядомъ въ вагонѣ и, когда вышли, — онъ пошелъ вверхъ по набережной, она направилась къ мосту съ золотыми статуями, самому красивому мосту въ Парижѣ, носившему гордое, славное и звучное имя: — „мостъ Императора Александра III”.

Разставаясь они не обмѣнялись ни однимъ словомъ. Не кивнули другъ другу головой. Не улыбнулись ласково. Они все давно сказали другъ другу, и новыхъ ласковыхъ словъ у нихъ не было. Они не понимали одинъ другого и потому не могли простить, онъ ея холодности къ нему, она той тяжелой трудовой бѣдности, что смѣнила ихъ когда то безпечальное, красивое житіе въ прежней Россіи.

Этотъ мостъ съ золотыми статуями всякій разъ невольно блескомъ своего имени возвращалъ ее къ воспоминаніямъ Петербургскаго дѣтства. Печальная улыбка накладывала складки на ея еще красивое, увядающее лицо, и она, шла, широко раскрывъ громадные, лучистые глаза и никого не видя. Она спотыкалась о каменные плиты, попадала ногою въ лужи и осуждала всѣхъ тѣхъ, кого считала виновниками потери прекраснаго прошлаго и въ ихъ числѣ и своего мужа.

„Георгій Димитріевичъ”, — думала она. — „Какъ ей... тогда... казалось... Георгій Побѣдоносець... Димитрій Донской — побѣдитель татаръ на Куликовомъ по[38]лѣ... И не побѣдоносець... Ку-у-да!... И чьи теперь побѣды, въ чьихъ рукахъ Куликово поле и берега Дона и Непрядвы?...”

VII.

Этотъ день былъ для Топси сложнымъ и труднымъ. Когда съ утра не повезетъ, то ужъ не повезетъ!

Но Топси съ честью вышла изъ труднаго положенія и Зося, „ами” Фирса Агафошкина, когда выслушала разсказъ Неонила Львовны о всѣхъ подвигахъ Топси, хлопнула себя мокрыми руками по бедрамъ — она стирала Фирсово бѣлье — и, блистая свѣтло голубыми глазами, воскликнула:

— Алэ яки у насъ Топси, прошэ пани... Тэразъ вшысци о ней бэндонъ мувить...

И точно Топси отличилась на все мѣстечко. Она шла очень расхѣянная за Неонилой Львовной. Ея собачья совѣсть была смущена. Чѣмъ она такъ провинилась передъ полковникомъ?.. За что ее ругали и били?.. Она принесла какъ всегда газету?.. Что же такое случилось?..

Въ булочной было много народа. Неонила Львовна отобрала шесть простыхъ булочекъ для ужина и три хрустящихъ „круассана” себѣ для кофе, положила еще въ корзину большой вѣсовой хлѣбъ и все это сдала Топси. Въ своемъ расхѣянномъ съ утра состояніи Топси и не замѣтила, какъ старуха вышла изъ булочной. Топси выскочила на улицу съ корзиной въ зубахъ и посмотрѣла по сторонамъ. Нигдѣ не было видно старухи. Топси вернулась обратно, поставила корзину въ углу и сѣла рядомъ. Она думала: — „дождусь”. Но сейчасъ же сообразила, что „мамочка” могла пойти рядомъ въ мясную. Топси выскочила было снова, но тотчасъ и вернулась.

„Развѣ можно въ теперешнее время оставить корзину съ булками?... Нынче народъ такой ненадежный. Вотъ, хоть взять того же Лимонадова? Съ газетой это [39] непременно онъ что нибудь подстроилъ. Пакость какую нибудь сдѣлалъ!... Свиснетъ кто нибудь у меня корзину, а я отвѣчай... Люди!... Они такіе!... Отъ нихъ всего можно ожидать!...”

Булочникъ заинтересовался поведеніемъ собаки. Онъ, казалось, читалъ ея мысли. Это онъ все потомъ и разсказалъ „мадамъ Олтабассоффъ”.

Топси между тѣмъ снова взяла корзину въ зубы и пошла съ нею искать Неонилу Львовну. Она, не входя въ мясную, оглянула глазомъ покупателей. Неонилы Львовны тамъ не было. Дошла до мелочной „*épicerie*”, тамъ Неонила Львовна всегда брала масло. Нѣтъ... И тамъ не было старухи. Топси постояла у дверей въ раздумьи и пошла обратно въ булочную.

„Хватится меня, а не меня, такъ булокъ и придетъ „мамочка” обратно въ булочную. Не пойдетъ она домой безъ своихъ хрустящихъ круассановъ. Теперь, когда всѣ ушли, самое то старухино счастье начинается. Усядется съ газетой и станетъ кофеи распивать”.

Топси поставила корзину въ самый уголь и легла рядомъ.

И точно — Неонила Львовна вернулась. Булочникъ разсказалъ ей всѣ собачьи маневры, и старуха ласкала собаку, впрочемъ не столько за ея умъ, сколько въ отместку за побои полковника. Они шли вмѣстѣ подъ мелко сѣющимъ дождемъ. Старуха подробно разсказывала собакѣ, какое наказаніе для нихъ всѣхъ отъ тупого солдафона полковника и какъ онъ сегодня былъ несправедливъ къ Топси, а та слушала ее, поднимая временами на нее желтые топазы своихъ глазъ и настораживая уши. Топси хотѣлось все разсказать про Лимонадова, да какъ скажешь, когда во рту тяжелая корзина съ провизіей и совѣмъ не умѣешь говорить по человѣчески? Вилять хвостомъ?... Направо и налево?... Но это только Александръ Ивановичъ Купринъ знаетъ „пуделиный языкъ”, а мамочка — та ничего не пойметъ”.

Дома опять были разсказы про Топсинъ умъ... Восторговъ было не обобратъся. Нифонтъ Ивановичъ ска[40]залъ: — „Экій умъ Господь всякой твари послалъ”. Фирсова „ами” цѣловала собаку и повторяла: — Алэ яки у насъ Топси, панъ Нифонъ, тэразъ вшысци о ней бэндонъ мувить.

VIII.

Задолго до того, какъ рѣзкою, надоѣдливою, заливистою трелью по всему сквозному домику зазвучалъ будильникъ Мишеля Строгова, когда еще было темно на дворѣ, и бѣдный разсвѣтъ не могъ пробиться сквозь туманы дождевой сѣтки — жолтымъ огнемъ засвѣтились узкія окна маленькаго подвальчика и на крыльцѣ появился старый Нифонтъ Ивановичъ.

Онъ въ черномъ пальтишкѣ, надѣтомъ поверхъ грубаго холщевого бѣлья — еще съ Дона — въ деревянныхъ, французскихъ башмакахъ „сабо” на босу ногу и съ непокрытой головой. Щуря узкіе глаза, онъ подставляетъ лицо, лобъ и волосы холоднымъ каплямъ и жмурится, вглядываясь вдаль. Лучшее умываніе — Божья роса.

Въ мутныхъ проблескахъ свѣта его взоръ упирается въ высокую стѣну изъ тонкихъ плитокъ бетона сосѣдняго дома, видитъ блеклыя черныя георгины и голыя сирени въ палисадникѣ, простую желѣзную рѣшетку, калитку и чуть бѣлѣющее пятно жестяного ящика для писемъ.

Онъ тяжело вздыхаетъ.

„А дома то что?” — съ тоскою думаетъ онъ. Съ отвращеніемъ вдыхаетъ утренній воздухъ и, несмотря на свѣжесть, широкими ноздрями большого носа ощущаетъ запахъ

керосиновой и бензиновой гари. Онъ слышитъ греготаніе большого города, міровой столицы, Вавилона ужаснаго.

Сколько разъ, вотъ такъ же по утрамъ онъ стоялъ на маленькомъ крылечкѣ бѣлой, мазаной хаты на хуторѣ Поповскомъ. И такъ же осенью была непогода и [41] съ ночи сѣялъ маленькій дождь. Но тамъ утромъ!... Боже!... Какая красота была тамъ ранними зорями, даже и въ хмурные осенніе дни! Хата стояла на краю хутора. За низкимъ тыномъ, обвитымъ косматымъ терновникомъ чернѣла степь. И надъ нею — и какъ это всегда было красиво и полно Божьяго величія — подъ черными осенними тучами золотой разсвѣтъ пылалъ. Въ тѣ часы подъ такимъ же... да никогда не подъ такимъ, а подъ свѣжимъ душистымъ, съ неба спадающимъ дождикомъ сами собою Давидовы псалмы лѣзли на память и удивительныя молитвы слагались въ головѣ.

„Господи, отрада моя, прибѣжище мое, красота міра Твоего передо мною и къ Тебѣ простираю руки мои”.

А какой густой терпкій духъ полыни и этого особаго степного, земляного воздуха шелъ отъ широкой дали! Вдругъ перебьетъ его соломенною гарью — у сосѣда, знать, печь растапливать стали, — отнесетъ дымокъ въ сторону, и опять запахъ земли, безпредѣльной степи и стараго жнивья. Отъ большой скирды хлѣбомъ пахнетъ. Навозомъ отъ сарайчика. Овцами изъ недалекой, камнями обложенной кошары... И народятся звуки. Запоютъ третьи пѣтухи, залаетъ собака у Байдалаковыхъ, и ей отвѣтятъ другія по всему хутору. И потомъ вдругъ на минуту все смолкнетъ. Станетъ тогда слышно, какъ вздыхаютъ лошади, со звономъ льется молоко въ ведро. Значить, тетка Марья съ Аниськой пришли доить коровъ.

— Да... Хорошо!... Ахъ хорошо!...

Нифонтъ Ивановичъ замѣчаетъ, что пальтишко его намокло и съ сѣдыхъ прядей холодныя капли бѣгутъ по бритымъ щекамъ и падаютъ на сѣдые усы.

Пора за работу.

На маленькой газовой плиткѣ, въ жестяномъ чайникѣ ключомъ кипитъ вода. Чернѣетъ рядомъ въ кострюлькѣ, плавясь, вонючій сапожный варъ.

— Фирсъ, — кричитъ старикъ за перегородку.

Оттуда слышенъ шопотъ, смѣшокъ, будто поцѣлуи, шлепокъ по спинѣ, и появляется Фирсъ, невымытый, лохматый, по модѣ остриженный — копна волосъ на темени, а надъ ушами такъ гладко острижено, что скво[42]зитъ желтая кожа. Лицо кругомъ бритое — на казака совсѣмъ не похожій. На бѣлую съ голубыми полосками рубашку, безъ воротника и безъ галстука, накинута потрепанная пиджачишка, штаны въ полоску спускаются едва до щиколотокъ, а на большихъ ногахъ обуты толстоносые американскіе рыжіе ботинки.

— Здравствуйте, дѣдушка, Нифонтъ Ивановичъ, — развязно говоритъ Фирсъ.

— Ты, братъ, раньше морду да лапы помой, да Богу помолись, а тады уже здоровкайся.

Фирсъ идетъ къ умывальнику съ проведенной водой въ углу комнаты и плещется тамъ. Потомъ у зеркала расчесываетъ жесткіе, перьями торчащіе волосы и подходит къ дѣду, протягивая руку съ широкою ладонью.

— Бонжуръ гран-пэръ, — говоритъ онъ, громко фыркая. Ему нравится его шутка.

— Обормотъ... Право обормотъ, — ворчитъ дѣду,

— А ты что же Богу то молился?

— Какъ я могу молиться, Нифонтъ Ивановичъ, коли ежели я сомнѣваюсь? Кругомъ, можно сказать, такая культура... Автомобили, метрополитэнъ, Тур - д - Эйфель, Трокадеро... — Тутъ молитва мнѣ кажется жестокой сарказмой.

— Обормотъ... И въ кого ты такой дурной уродился?..

— Ну, что вы, Нифонтъ Ивановичъ, одно слово затвердили... Тутъ такое образованіе... Права человекъ... Рентабельность...

— Ты... Образованный... — сердито кричитъ дѣдъ.

— Ты какъ дратву то держишь. Ты мнѣ эдакъ только товаръ портишь... Образованный... Тебѣ сколько годовъ?

— Двадцать третій пошелъ.

— Это тебѣ уже въ первой очереди служить... Я въ твои годы какъ джигитоваль... Ты на лошадь сѣсть не сможешь!... Образованный... Съ какой стороны къ ей подойти такъ и то не знаешь.

— Съ правой... Нѣтъ... съ лѣвой... Конечно, съ лѣвой. [43]

— Съ лѣвой... Дурной... Ты къ ей подходи такъ, чтобы она тебя издаля почувствовала. Уваженіе тебѣ оказала. Ты къ ей съ любовью... Огладь!... Осмотри!... Чтобы большой палецъ подъ подпругу пролѣзалъ... За луку потрогай... Поводъ разбери... А тады уже садись по приему, какъ учили... Вотъ это тебѣ красота будетъ.

— Что жъ, Нифонтъ Иванычъ, старыя то пѣсни пѣть. Нынче, какая такая лошадь?... Ее теперь можетъ въ зоологическомъ саду только и сыщешь. Теперь — машина. Еропланы по небу, таньки по землѣ. Я видалъ войну то въ синема. Совсѣмъ даже не такъ, какъ вы рассказываете... Люди въ землѣ закопались... Лошади нигдѣ и не видать... Людей на каміонахъ везутъ... Соскочутъ и заразъ въ землю ушли... Тамъ бетонъ... Газы... Вотъ она война то такъ обернулась... Да и теперь, какая такая война, когда Лига Націй и образовательный милитаризмъ.

— Обормотъ...

Старикъ наклоняется подлѣ низко опущенной электрической лампочки и стучитъ молоткомъ по кожѣ, натянутой на деревянную колодку.

Такъ работаетъ онъ, молча, хмуро, сердито сверкая сѣрыми глазами, пока не услышитъ голосъ полковника:

— Нифонтъ Иванычъ, откройте собакѣ дверь.

IX.

День проходитъ въ работѣ. Нифонтъ Ивановичъ и Фирсъ тачаютъ сапоги, подбиваютъ подметки, наставляютъ каблуки, ставятъ заплатки — работа черная, дешевая, неблагодарная. Весь уголь подвала заваленъ старыми башмаками съ мѣловыми отмѣтками на рваныхъ подошвахъ, и нудно пахнетъ отъ нихъ старою кожею и людскою, нечистою прѣлью. Рядомъ Зося готовитъ обѣдъ и тутъ же стираетъ бѣлье.

Обѣдаютъ молча. Дѣловито суютъ ложки въ общій [44] чугунокъ, тарелки обтираютъ корками бѣлаго хлѣба.

Послѣ обѣда Нифонтъ Ивановичъ дремлетъ часокъ на своей постели. Рядомъ за перегородкой шушукуются, охаютъ и вздыхаютъ Фирсъ съ Зосей. Нифонтъ Ивановичъ молчитъ. „Что жъ дѣло молодое“, — думаетъ онъ. — „Нехорошо, что съ полькой... И опять же... Невѣнчаные”...

Съ двухъ часовъ снова стучатъ молотки, снуетъ игла съ дратвой, шило ковыряетъ кожу. Пахнетъ казачьими щами и варенымъ мясомъ, но постепенно этотъ запахъ сѣдается запахомъ сапожнаго лака. Малиново-коричневая, блестящая подошва новыхъ подметокъ чинно выстраиваются на окнѣ.

— Тутъ этого... Деревянныхъ гвоздей никакъ не знаютъ... Тутъ все машиной... А какой съ ей прокъ... Съ машины то... Двѣ недѣли поносилъ и дырка, — ворчитъ старый дѣдъ. — А онъ ожерелокъ да халстукъ нацѣпить и ховоритъ: — культура!...

Онъ ждетъ шести часовъ. Тогда можно пошабашить.

Покончивъ съ работой Нифонтъ Ивановичъ поднимается къ полковницкой квартирѣ и, хотя — вотъ она кнопка электрическаго звонка, — онъ осторожно стучитъ.

— Вы, Нифонтъ Иванычъ? — отзывается изъ своей комнаты Неонила Львовна.

— Я, ваше превосходительство.

Нифонтъ Ивановичъ отлично знаетъ, что Неонила Львовна совсѣмъ не генеральша, и мужъ ея былъ по гражданской части, но знаетъ и то, что „масломъ каши не испортишь”.

— Дозвольте газетку.

Получивъ газету, Нифонтъ Ивановичъ спускается въ палисадникъ и садится на „вольномъ воздухѣ” читать.

Читаетъ онъ медленно. Читаетъ онъ всю первую и послѣднюю страницы, пропуская фелетоны. „Тамъ зря пишутъ... Брехня одна”... Онъ поджидаетъ полковника. Нордековъ возвращается въ половину седьмого, и [45] какъ бы ни былъ усталымъ, — всегда присядетъ поболтать со старымъ казакомъ. Въ немъ онъ чувствуетъ чловѣка единомышленнаго, одинаково сильно страдающаго за Россію и не могущаго примириться съ жизнью заграницей.

Едва полковникъ показывается у желѣзной рѣшетки, Нифонтъ Ивановичъ поднимается со скамейки, вытягивается и, если былъ въ шапкѣ, снимаетъ шапку. Нифонтъ Ивановичъ не любитъ носить шляпы.

— Уже очень неподобные тутъ уборы, — объяснялъ онъ свое нерасположеніе къ заграничнымъ шляпамъ. — Котелки — на нѣмца похоже... Фулиганскія шляпы — ну чисто — „товарищи”... Мягкую шляпу взять — не то тальянецъ, не то ахтеръ.

— Здравствуйте, Нифонтъ Ивановичъ, — защелкивая калитку, говоритъ полковникъ.

— Здравія желаю, ваше высокоблагородіе.

— Ну, какъ вы?

— Какъ вы, ваше высокоблагородіе?... Не слыхали ли чего утѣшительнаго? Можетъ изъ Россіи что слышно?... На Тихомъ Дону не подымаются ли наши?... Что Бріанъ насчетъ перемѣны политики?... Пора бы, кажется, суть дѣла понять... Уже кругомъ идетъ... Хуже некуда!... Можетъ дѣдъ Хинденбургхъ чего не надумалъ?... Али по прежнему съ большевиками?... съ хриstopродавцами?...

Ничего утѣшительнаго не было слышно. Дни шли за днями, вытягиваясь въ длинную очередь, становились годами, и нечего было сказать полковнику Нордекову старому казаку Агафошкину такого, отъ чего дружно надеждою забились бы ихъ сердца.

— Что жъ, ваше высокоблагородіе, — съ тоскою въ голосѣ говорилъ Нифонтъ Ивановичъ, — пора, наконецъ, и въ походъ. Нюжли же не увидимъ родной земли? Тихому Дону не поклонимся низко?...

Тогда говорилъ полковникъ все то, что слышалъ на ихъ собраніяхъ, что прочиталъ въ газетахъ, во что и самъ не вѣрилъ, но чему такъ хотѣлъ вѣрить.

— Да... да... конечно... Положеніе кругомъ и точно напряженно тяжелое. Въ Англіи Макдональдъ и Гендер[46]сонъ — рабочее правительство. Они не понимаютъ того, что творится въ Россіи... Они думаютъ, что тамъ и правда рабоче крестьянская власть.

— А не куплены они, бываетъ, ваше высокоблагородіе? — тихо вставляетъ Нифонтъ Ивановичъ.

— Нѣтъ... не думаю... Не можетъ того быть... Хотя?... Отчего?... Теперь все можетъ быть... Германія задавлена Версальскимъ миромъ и ищетъ спасенія въ большевикахъ... Все это точно вѣрно... Но отчаяваться нечего. Просвѣтъ есть... Вы посмотрите, повсюду идутъ протесты противъ гоненій на вѣру, собираются многочисленные митинги... Работаетъ Лига Обера...

— Имъ, ваше высокоблагородіе, протесты что!... Имъ надо, чтобы по шапкѣ наклали по первое число. Нагайками ихъ какъ слѣдуетъ надо бы...

— Все таки... И въ самой Россіи... Пятилѣтка имъ не удается... А когда послѣ этого страшнаго напряженія будетъ все тотъ же голодъ, та же нищета... Народъ непремѣнно возстанетъ...

Нифонтъ Ивановичъ тяжело вздыхаетъ.

— Нѣтъ, ваше высокоблагородіе, трудно ему возстать. У нихъ сила...

— Отчаяваться, Нифонтъ Ивановичъ не приходится. Отчаяніе это уже послѣднее дѣло. Надо вѣрить въ милосердіе Божіе и молиться.

— Это точно... А только...

Нифонтъ Ивановичъ растерянно мнетъ въ рукахъ газету.

— Вѣра, ваше высокоблагородіе, отходить... Мой Фирсъ отъ Бога отошелъ. Мамашу вашу, ея превосходительство, взять... Я осуждать, конечно, не смѣю... Лба никогда не перекрестить... А образованныя очень... Да и какъ быть вѣрѣ, когда въ самой церкви шатаніе идетъ.

Нифонтъ Ивановичъ смущенно какъ то показываетъ мѣсто на послѣдней страницѣ, и полковникъ читаетъ: — „церковь... Въ воскресенье... митрополичьимъ хоромъ... Подъ управленіемъ.. будетъ исполнена литургія А. Т. Гречанинова...”

Полковникъ поднимаетъ на Нифонта Ивановича глаза. [47]

— Ну?

— Вы изволили прочесть?... „Начало въ десять часовъ тридцать минутъ утра”... Это что же такое?... Какъ о кіятрѣ объявляютъ... Нѣтъ тебѣ, чтобы трезвономъ въ колоколь ударить... По православному... Нѣтъ, какъ о смотрѣ какомъ пишутъ: — начало!... Вы понимаете: — „начало”!... Опять же, ваше высокоблагородіе... Литургія... Какая бываетъ литургія?... Какъ положено... Іоанна Златоуста... Василия Великаго, когда какая указана. Это какая же такая литургія Гречанинова?... Соблазнъ челоуѣкамъ... Тамъ жертва великая, безкровная у алтаря приносится... Тамъ предстоятъ надо со страхомъ и трепетомъ... Тамъ Ликъ Божественный видѣть можно... Тамъ херувимы и серафимы... А тутъ, какъ въ Парамунтѣ какомъ господа въ гусарскихъ мундирахъ зазываютъ. „Впервые будетъ исполнено”... „Начало въ десять съ половиною часовъ”... Это же, ваше высокоблагородіе, только господа такое могли придумать. которые, какъ ваша мамаша невѣрующіе...

— Это не такъ, Нифонтъ Ивановичъ, — начинаетъ объяснять полковникъ, и не находитъ словъ объяснить Нифонту Ивановичу, зачѣмъ это такъ дѣлается.

— Это, ваше высокоблагородіе, Парижъ, — говоритъ старый Агафошкинъ и въ это слово вкладываетъ весь ужасъ своего отчаянія.

Онъ смотритъ на ворота переулочка.

— Ну, ваше высокоблагородіе, пошабашимъ до завтрава. Барыня ваша идутъ.. возвращаются.

И какъ два школьника, боящіеся попасться въ запрещенномъ куреніи, они быстро шмыгаютъ изъ садика. Нифонтъ Ивановичъ сбѣгаетъ въ подвалъ, полковникъ торопливо поднимается во второй этажъ и нажимаетъ пуговку электрическаго звонка. Его сердце быстро бьется. Онъ торопится войти такъ, чтобы Ольга Сергѣевна не замѣтила его на лѣстницѣ.

[48] X.

Такъ и жили они, обитатели виллы „Les Coccinelles” въ № 24 по rue de la Gare маленькаго припарижскаго мѣстечка. Раньше, когда они были въ Россіи, до войны, ихъ жизни сливались въ одну общую, какъ сливались жизни полковника, Ольги Сергѣевны и Шуры. Тогда была у нихъ одна общая вѣра въ Бога — не Карловацкая и не Евлогіанская, не восточно-католическая и не краснаго епископа, присланнаго изъ Совдепіи.

Тогда было все равно, куда ходить молиться — въ аристократическую церковь при министерствѣ Удѣловъ, или молиться со „всеми” во Владимірскомъ соборѣ, или другой „приходской” церкви. Вѣра была одна — православная. И служители ея не вызывали никакихъ сомнѣній.

Тогда былъ Царь. Государь Императоръ, о комъ благолѣпно, величественно и благоговѣйно возглашали моленія въ церквахъ всей Россіи. Когда незадолго до войны пріѣзжалъ Государь въ Ялту — Ольга Сергѣевна видѣла путь къ молу чуть не по ступицу колесъ усыпанный цвѣтами: — розы, глициніи, нарциссы, магноліи, — все дождемъ сыпалось подъ ноги лошадей вѣнценоснаго Монарха и его супруги — Матушки Царицы... Какое возбужденіе, какой восторгъ были на Ялтинскомъ молу, гдѣ Императрицей былъ устроенъ благотворительный базаръ и гдѣ стояла ошвартованная у мола Императорская яхта.

Тогда было — Отечество. Не Украина, не Польша, не Казакстанъ, не Армянская республика, но великая Россійская Имперія — владычица трехъ океановъ. Отъ Калиша до Владивостока, отъ Торнео до Батума — все была одна Россія, съ однимъ языкомъ, съ однимъ Царемъ, съ разными религіями, но съ одною святою вѣрою.

Если и тогда не все жизни сливались въ одну линію, стремящуюся къ одной цѣли — карьерной ли, обогащенію ли, къ славѣ ли, къ благополучію, къ жерт[49]венному ли исполненію долга, то шли онѣ параллельно, какъ шли тогда жизни полковника и Нифонта Ивановича. Другъ друга тогда они не знали, но въ своемъ служеніи Родинѣ и Царю были совершенно единомышленны.

Теперь, когда, какъ то вдругъ и совершенно неожиданно — не на то они рассчитывали, когда одни сознательно, другіе безсознательно шли за границу — вышло такъ, что не стало у нихъ Родины, стали они „sans Patrie”, „Heimatlos” „бѣженцы”, „эмигранты”, вдругъ и жизни ихъ разошлись и, исходя изъ одной точки — виллы „Les Coccinelles” — стремительно, пучкомъ уходили въ разныя стороны, гдѣ были разныя понятія, разные идеалы, гдѣ не было дружбы и любви, но гдѣ были скрытая вражда и непониманіе другъ друга.

Все дальше отходила Ольга Сергѣевна отъ полковника. И жутко было слушать Георгію Димитріевичу, какъ иногда, узнавъ, что онъ сдѣлалъ взносъ въ полковое объединеніе — она фыркала и со злобою ворчала:

— Игра въ солдатики... Все бросить этого не можете?... Музей полка... Могила дорогого покойника... Кладбище старыхъ мечтаній... Разбитое корыто... Не зачѣмъ было мѣнять Государя на временное правительство... Домѣнялись!... Проворонили все!!...

Полковникъ тогда до верху застегивалъ свое крашеное англійское пальто, поднималъ воротникъ и уходилъ изъ дома. Онъ шелъ на берегъ Сены и долго ходилъ взадъ и впередъ, ничего не видя, никого не замѣчая. Все то, что такъ жестоко и больно осуждала Ольга Сергѣевна было для полковника — вѣрой. Вѣрой въ побѣду, въ возвратъ того стараго, лучше чего не было въ его жизни. Потерять эту вѣру... И что останется?... Вилла „Les Coccinelles”?...

Когда старуха Неонила Львовна вдругъ пускалась — обыкновенно послѣ вечерняго чая — въ свою философію и, куря папиросу за папиросой, рассказывала о стратосферѣ, объ электронахъ, энергія которыхъ такъ велика, что всякаго бога затмитъ, о томъ, что на высотѣ пяти километровъ воздухъ такъ чистъ и заряженъ [50] электричествомъ, что тамъ никакія болѣзни невозможны, полковникъ сосредоточенно и мрачно курилъ.

— Какъ же, — говорила Неонила Львовна, пыхая папиросой и съ ненавистью глядя въ лицо полковника. — Ученый одинъ.. Французъ, конечно... Устроилъ свою лабораторію на самомъ на Мон-Бланѣ.. И что то изъ него... изъ его тѣла стало выдѣляться. Онъ отжалъ и собралъ цѣлую коробку... Произвелъ анализъ... Вся мочеваая кислота, что была въ немъ, вышла безъ всякихъ тамъ уродналовъ, Виши и прочаго... Онъ совсѣмъ помолодѣлъ... Живой такой сталъ... Здоровый... Будетъ время — города будутъ подни-

мать на пять километровъ и даже и выше, въ стратосферу. И тамъ будутъ жить вѣчно... Безъ всякаго Бога... Вотъ оно что такое современная наука!

Она упрямо вскидывала голову, и сѣдыя космы встряхивались на ея затылкѣ. Ольга Сергѣевна съ недоумѣніемъ, но безъ всякой любви смотрѣла на „мамочку”. Полковникъ глядѣлъ съ отвращеніемъ. Мишель Строговъ слушалъ внимательно, сурово глядя въ ея лицо узко поставленными, напряженными глазами.

— Этого, бабушка, нельзя, — вдругъ строго и внушительно перебилъ онъ старуху. — Никакъ этого нельзя, бабушка. Теперь вотъ трудящемуся человѣку послѣ шести-десяти лѣтъ работы не даютъ... И правильно... Не загромождай мѣста... Давай дорогу молодымъ силамъ... А въ будущемъ? Я такъ полагаю, недалеко даже будущемъ — какъ стукнуло шестьдесятъ — ну и не дыши... Очищай землю отъ своего ненужнаго присутствія... Дали нюхнуть тамъ чего — и готово... Вотъ это наука!... Это культура!... Къ тому идемъ, бабушка.

Нѣсколько мгновеній старуха со страхомъ, Мишель Строговъ съ холоднымъ любопытствомъ смотрѣли въ глаза другъ другу. Потомъ всѣ, точно сговорившись, не прощаясь, не пожелавъ другъ другу „спокойной ночи” — какая сентиментальность — расходились по своимъ комнатамъ.

Ну развѣ не шли они по линіямъ, уходящимъ все дальше и дальше другъ отъ друга... Развѣ было у нихъ что нибудь общее, что связывало бы ихъ, кромѣ зара[51]ботной платы и возможности платить за „Les Coccinelles” и какъ то питаться?...

Только съ Нифонтомъ Ивановичемъ и было у полковника нѣчто общее. Оба шли, какъ будто, по близкимъ параллельнымъ линіямъ, тосковали одинаково по прошлому и ждали и вѣрили.

Да... крѣпко, несокрушимо, не колеблясь, вѣрили...

И все-таки все больше было тоски и скорби въ голосѣ стараго казака, когда онъ спрашивалъ — и теперь все болѣе и болѣе несмѣло — „что утѣшительнаго привезли, ваше высокоблагородіе, изъ Парижа?... Не надумали ли чего въ Палатѣ Депутатовъ въ помощь Россіи?...”

Но ничего уже утѣшительнаго не могъ рассказать дѣду Агафошкину старѣющій полковникъ Нордековъ.

Такъ и жили они всѣ вмѣстѣ, въ одномъ маленькомъ, точно карточномъ домикѣ, гдѣ будилъ ихъ всѣхъ по утрамъ будильникъ Мишеля Строгова. Казалось въ этой борьбѣ, не за жизнь уже, но просто за прозябаніе, они забыли, что есть на землѣ любовь, слава, честолюбіе, что есть гдѣ то Родина, за которую надо непрерывно бороться...

XI.

Въ яркій ноябрьскій полдень, когда надъ Парижемъ вдругъ точно разостлали голубое Ниццское небо, и воздухъ сталъ прозраченъ, а Сена голубѣла, зеленѣла и текла полноводная отъ пролившихъ дождей, заливая колѣни каменнымъ статуямъ зуавовъ на Парижскомъ мосту, совсѣмъ неожиданно, прямо съ вокзала на такси, на виллу „Les Coccinelles” приѣхала изъ Союза Совѣтскихъ социалистическихъ республикъ, изъ Россіи, изъ Петербурга племянница Ольги Сергѣевны — Леночка.

Впрочемъ ея появленіе не должно было быть такъ [52] уже неожиданнымъ. Ее ждали, но какъ то не вѣрили, что она приѣдетъ. Ибо какъ можно оттуда приѣхать?...

У „мамочки”, Неонилы Львовны Олтабасовой, былъ младшій братъ, Алексѣй Львовичъ, крупный чиновникъ министерства Внутреннихъ Дѣлъ, на видномъ посту. Онъ умеръ въ тюрьмѣ еще при Временномъ Правительствѣ. У него была дочь Софья

Алексѣевна, вышедшая замужъ за доктора Зобонецкаго. Докторъ Зобонецкій въ 1920 году умеръ отъ голода. Вдова осталась съ шестилѣтней дочерью Леночкой и проживала въ Троцкѣ, подъ Петербургомъ. Вдова Олтабасова, Александра Петровна, бабушка Леночки, умудрялась регулярно переписываться съ Неонилой Львовной, и по этой перепискѣ на виллѣ „Les Coccinelles” кое-что знали о жизни въ совѣтской республикѣ.

Было всегда почему то жутко получать письма, большею частью открытыя, гдѣ коротко, Эзоповскимъ языкомъ сообщалось о той страшной жизни. Почтовая карточка переходила изъ рукъ въ руки. Внимательно, какъ что то чуждое и, пожалуй, враждебное разсматривали коричневую, напечатанную въ углу марку съ изображеніемъ космато-бородатаго мужика съ густыми волосами копной и четко оттиснутый почтовый штемпель съ такимъ страннымъ и дикимъ словомъ Русскими буквами: — „Ленинград”, „4 эксп.”... Въ лѣвомъ углу было изображеніе земного шара, перечеркнутаго бѣлымъ оттискомъ серпа и молота въ вѣнкѣ изъ ржи, обвитомъ лентою съ такими мелкими, что только одни зоркіе глаза Мишеля Строгова могли прочесть — да и прочесть ли? — вѣрнѣе догадаться — надписями: — „пролетарии всехъ странъ соединяйтесь”...

Карточка обычно была написана или карандашомъ, или какими то блѣдными лиловыми чернилами, вѣроятно разбавленными водою, такими, какихъ за граница не знаетъ. Съ лицевой стороны и, надо полагать, на зло, — въ этомъ сказывался характеръ Олтабасовой, тамъ, гдѣ стояло: — „Куда” — „наименование места, где находится почта, и губернии или округа, а для станцій наименование железной дороги” — было написано твердымъ размашистымъ почеркомъ: — „Madame Neonile [53] Oltabassoff”, а пониже шелъ адресъ, по французски, и тамъ, гдѣ значилось: — „Кому. Подробное наименование адресата” — стояло: — „Франція. Париж”.

Въ письмѣ, всегда по старой орѳографіи, писали о чемъ то загадочномъ, за чѣмъ скрывалось ужасное.

...„Дядя Петя, совсѣмъ того не желая, уѣхалъ очень далеко. Александръ Сергѣевичъ, о которомъ я писала, что онъ получилъ казенное мѣсто совсѣмъ къ намъ никогда не воротится. А мы живемъ хорошо и ни въ чемъ, кромѣ развѣ хорошаго воздуха, не нуждаемся. Въ смыслѣ кормежки было трудно и дорого. Брать у частника многое не могу, но все таки кое что перепадало. Ты мнѣ не пиши. Нечего писать: — все про тебя знаемъ и жалѣемъ. Погода испортилась, опять пошли дожди”...

Собравшись вокругъ лампы въ комнатѣ Неонилы Львовны письмо расшифровали.

— Дядю Петю очевидно сослали въ Соловки, — печально говорила Ольга Сергѣевна.

— Ну можетъ быть еще и въ Нарымъ, — вставилъ хмуρο полковникъ.

— Жаль... А надо было ожидать. Не такой былъ человекъ, чтобы гнутьяся.

— А про дожди — это, мамочка, про разстрѣлы. — Да, — вздыхала Неонила Львовна, — опять терроръ. — И, забывъ про свои „винтики”, съ глубокою печалью въ голосъ добавляла: — ну, никто, какъ Богъ.

Въ эти минуты чтенія короткой открытки „оттуда”, точно вдругъ сходились расходящіяся линіи ихъ жизней. Дуновение Родины сближало ихъ, и разошедшаяся семья снова ненадолго собиралась.

И на другой день, когда Нордековъ возвращался со службы, старый Нифонтъ Ивановичъ поджидалъ его у самой калитки и, вкрадчиво и любовно заглядывая полковнику въ глаза, спрашивалъ:

— Слыхать, ваше высокоблагородіе, ихъ превосходительство письмо изъ Россіи получили... Ну что тамъ пишутъ?... Скоро ли окончаніе всей этой муки?...

И странно было думать, что полученіе открытки изъ Петербурга въ Парижѣ, отъ вдовы тестя — событіе, и что нельзя было написать туда все, что думаешь, что [54] это грозило для получателя арестомъ, тюрьмою, можетъ быть, — смертною казнью. И уже

никакъ нельзя было поѣхать туда, навѣстить вдову тестя, племянницу и поглядѣть на внучку.

Но еще страннѣе было то, что такъ просто, какъ къ чему то неизбежному и неотвратимому относились къ тому, что дядю Петю, ученаго профессора, ушедшаго въ свои гербаріи, о которомъ нельзя было даже представить, что онъ сдѣлаетъ что нибудь противозаконное, такъ — „здорово живешь” — сослали въ ссылку, или что Александра Сергѣевича — ихъ большого друга, товарища Георгія Димитріевича, ни за что ни про что разстрѣляли. Объ этомъ говорили съ какимъ то эпическимъ спокойствіемъ, какъ о нормальной смерти ста двадцати лѣтняго старика, не возмущались, не плакали, не служили панихидъ.

Иногда Александра Петровна писала и о Леночкѣ.

...„Леночка поступила въ школу второй ступени...” „...Леночка кончила школу второй ступени”...

Невозможно было представить себѣ Леночку въ совѣтской школѣ. Чему тамъ учили? Какъ воспитывали?... Ольга Сергѣевна возмущалась, что тамъ школа была безъ Бога, а „мамочка” скорбѣла, что Леночка навѣрно не говоритъ по французски.

— Развѣ что Александра Петровна ее научить.

Этимъ лѣтомъ пришелъ конвертъ, надписанный рукою старухи Олтабасовой. Въ немъ не было письма, но лежала вырѣзка изъ газеты. Съ одной стороны были отчеты о театрахъ... „Въ Филармонии”... „Подсчитали — прослезились”, гдѣ рассказывалось о крахѣ какого то совершенно непонятнаго „театрального отдела кубуч’а”.

На другой сторонѣ была небольшая замѣтка: — „В суде. Жилкошмар”, подписанная Н. С—скимъ. Эту замѣтку прочитали. Была полна она такого ужаса, что даже не сразу могли понять весь смыслъ ея содержанія.

Авторъ коротко и сухо, — стоитъ ли много писать о такомъ обыкновенномъ въ совѣтскомъ быту происшествіи — повѣствовалъ: [55]

...„Сухое обвинительное заключеніе говоритъ о дикомъ кошмарѣ, и о томъ, какъ изъ за нѣсколькихъ метровъ жилплощади не дали жить человѣку. Убили его не просто, а предварительно затравивъ.

„26-го сентября прошлаго года, послѣ прохода поѣзда изъ Ленинграда на Лугу, на 43 километрѣ Варшавской дороги, былъ найденъ перерѣзанный колесами трупъ неизвестной женщины. Голова была пробита въ нѣсколькихъ мѣстахъ, тѣло исковеркано, но крови вытекло очень мало. Это вынудило врача отказаться отъ дачи заключенія о причинѣ смерти гражданки Софіи Зобонецкой.

„Зобонецкая съ дочерью Еленой снимала двѣ комнаты въ домѣ, арендованномъ Андреемъ Аггусомъ по улицѣ Юнаго Ленинца въ Троцкѣ. Семья Аггуса была очень не мала, кромѣ того, онъ поселилъ у себя семью Древицкихъ. Тамъ же жила гражданка Барашкина.

„Аггусъ усиленно таскалъ Зобонецкую по судамъ, обвиняя ее то въ умышленной порчѣ комнаты, то „въ нагломъ поведеніи и ругани”. Помогали Аггусу въ этихъ судебныхъ похожденияхъ мужъ его сестры, членъ Троцкаго горсовѣта и жиличка Барашкина.

„Тѣмъ не менѣе выселить Зобонецкую имъ не удавалось. Для того, чтобы „допечь” Зобонецкую, Аггусъ не гнушался подсылать къ ней пьяныхъ гробовщиковъ, якобы за срочнымъ заказомъ.

„Наконецъ, Зобонецкая была найдена мертвой на рельсахъ.

„Аггусъ за бутылкою вина рассказалъ всю исторію расправы съ Зобонецкой. Онъ оглушилъ ее ударомъ гири по головѣ на площадкѣ вагона, въ которомъ ѣхалъ вмѣстѣ съ Зобонецкой въ Ленинградъ по какому то вымышленному, срочному дѣлу. Доканавъ старуху, онъ сбросилъ ее на полотно, въ заранѣе условленномъ мѣстѣ, гдѣ дожидались жена его и жиличка Барашкина, которой за содѣйствіе было обѣщано перевести ее въ лучшую комнату. Они и подложили трупъ подъ поѣздъ, чтобы замести слѣды.

„Барашкина черезъ два мѣсяца не вынесла угрызений совѣсти и отравилась. [56]

„Не довольствуясь убійствомъ, Аггусъ укралъ всѣ цѣнныя вещи Зобонецкой, хранившіяся на чердакѣ.

„Дѣло объ убійствѣ изъ за жилплощади на дняхъ будетъ слушаться въ Окружномъ судѣ...”

Когда прочли это газетное извѣстіе, какъ всегда всякую вѣсточку „оттуда”, всю семью, за вечернимъ чаемъ, Ольга Сергѣевна почувствовала, что на нее это кошмарное убійство не произвело впечатлѣнія. Оно не входило, не умѣщалось въ рамки ихъ Парижской жизни. Потомъ, изъ короткаго обмѣна мнѣній съ мужемъ и „мамочкой”, — она убѣдилась въ томъ, что ихъ поразило не самое убійство — къ убійству они отнеслись холодно: — иначе и быть не могло въ совѣтскомъ раю — но ихъ удивило, что у Зобонецкой могли быть цѣнныя вещи. Значитъ, не все отобрали. А еще болѣе поразило ихъ, что убійца былъ арестованъ, что пособница Барашкина изъ за угрызений совѣсти отравилась, а самое дѣло будетъ слушаться въ окружномъ судѣ.

Имъ все въ совѣтской республикѣ казалось такимъ кошмарнымъ сномъ, такую чудовищною неразберихою, что убійство близкаго человѣка ихъ не поразило — оно входило въ совѣтскій бытъ, какъ входили въ него бессмысленные аресты и казни невинныхъ людей. Ихъ поразило, что тамъ все таки была какая то жизнь и вмѣстѣ съ нею какая то правда, въ которую входили и угрызения совѣсти и арестъ убійцы и преданіе ихъ суду.

Повидимому и на самага близкаго человѣка къ Зобонецкой, на ея мать, самый фактъ убійства тоже не произвелъ большого впечатлѣнія. Въ очередномъ письмѣ открыткѣ ничего по этому поводу не писалось. Старая Олтабасова помянула только про внучку.

...„Леночка поселилась у меня”...

Потомъ пришло извѣстіе, что такъ какъ Леночка выросла, она озабочена ея будущимъ: — „хлопочу послать Леночку къ вамъ и это мнѣ повидимому удастся”...

Потомъ очень долго не было писемъ, и, такъ какъ ни денегъ, ни визъ ни откуда не просили, то какъ то и позабыли о томъ, что Леночку посылаютъ въ Парижъ. Да и казалось это такимъ невозможнымъ... „Оттуда и въ Парижъ”!... [57]

И вдругъ Леночка явилась сама, что называется — „собственною персоной” и совѣмъ не робко, но увѣренно позвонила въ дребезжащій звонокъ въ переулочкѣ у дома, имѣвшаго номеръ 24-ый.

XII.

Леночка ощутила странную легкость, когда отдала шофферу такси послѣдніе восемнадцать франковъ, показанныя счетчикомъ, прибавила два франка на чай, и у ней осталась какая то мелочь — дырявые сантимы и темно мѣдные су.

Она была въ блѣдногубой, блеклаго, вялаго цвѣта высыхающихъ васильковъ шляпкѣ колпачкѣ, въ короткомъ, выше колѣнъ, не модномъ уже платьѣ и кофточкѣ. Все было очень старое и заношенное. Особенно плохи были чулки желто-розоваго цвѣта и всѣ въ штюпкахъ. Башмаки были стоптаны, и на песокъ, гдѣ стояла Леночка, переминаясь съ ноги на ногу, выдавливали маленькій слѣдокъ ея ножки, и въ немъ отпечатывалась глубокая дырка на подошвѣ.

Она позвонила еще разъ. Никто не открывалъ калитки. Крошечные домики въ паутинѣ плюща, съ окнами, заставленными ставнями, точно склеенные изъ картона казались необитаемыми. Но на веревкѣ палисадника между ржавыхъ георгинъ сушилось бѣлье и изъ калитки вдругъ выскочила большая темная собака и съ лаемъ бросилась къ воротамъ.

Леночка испугалась. Но собака понюхала воздухъ, посмотрѣла желтыми, умными глазами въ глаза дѣвушкѣ и, толкнувъ носомъ калитку, выскочила на улицу и убѣжала.

Леночка, убѣдившись, что калитка не замкнута, вошла въ узкій дворикъ тупичокъ. Справа были высокія слѣпыя стѣны сосѣдняго дома, слѣва палисадники и маленькія дачки. Леночка шла и читала надписи на бѣлыхъ эмалированныхъ дощечкахъ. [58]

..., „Les Platanes”, „Villa les Tilleuiles”, „Les Eglantines”... „Les Coccinelles”...

Леночка остановилась. Да, конечно, она помнила это имя. Ей его часто называла бабушка. Здѣсь и должна жить ея Парижская бабушка.

Она вошла въ открытую калитку. Сухія вѣтки кустовъ привѣтствовали ее. Черные стволы засохшихъ георгинъ торчали изъ клумбъ. У бетоннаго крылечка Леночка остановилась, не зная, кого спросить. Снизу изъ подвального окошка высунулась лохматая голова. Копна волосъ на темени, бритые виски, — совсѣмъ какъ у ихъ совѣтскихъ атлетовъ на пролетарскомъ стадіумѣ, гдѣ упражняются физ-культурники.

— Кэ дезир мадамъ?...

Какой это былъ ужасный французскій языкъ!... Леночка умѣла таки говорить по французски. Конечно не въ школѣ второй ступени она научилась этому, а дома, у Ленинградской бабушки. И произношеніе у нея было совсѣмъ Парижское, съ красивымъ раскатомъ на „р”.

На вопросъ на такомъ ужасномъ французскомъ языкѣ и отвѣчать по французски не хотѣлось. Неужели это ея двоюродный братъ Шура Нордековъ, о комъ такъ много говорила ей ея мать? Она смутно помнила его мальчикомъ — комсомольцемъ.

Леночка посмотрѣла на окошечко подвала. Оно раскрылось совсѣмъ и голова „физ-культурника”, покоящаяся на широкой шеѣ, появилась въ немъ. За шеей слѣдовала рубаха безъ воротника и безъ галстука, облегавшая могучія плечи.

Леночка вопросительно сказала, подчеркивая французское произношеніе Русской фамиліи:

— Madame Oltabassoff?...

Физ-культурникъ выразительно ткнулъ пальцемъ вверхъ и твердо по русски сказалъ:

— Звоньте во второй этажъ. Пуговка налѣво. Мамочка дома. Знать кофій пьеть.

Леночка поднялась и позвонила. За дверью зашмыгали мягкія туфли, и передъ Леночкой въ растворенной двери появилась старуха со стриженными волосами — [59] ни дать, ни взять — сама Крупская — Ленинская супруга, совѣтская „вдовствующая императрица”.

— Вамъ кого? — спросила старуха.

— Я... Леночка... Зобонецкая...

— Ахъ ты... Боже мой!...

Мягкія пахнуція кофеемъ объятія охватили Леночку. Такъ въ объятіяхъ она и вошла въ комнату. Тамъ было сумрачно. На простомъ кругломъ столѣ безъ скатерти кипѣлъ на примусѣ кофейникъ. Въ проволочномъ лоткѣ лежали маслянистыя подковки.

— Ну, садись, — отдуваясь отъ волненія, проговорила старуха. — Шляпу сними... Стриженная... Что жъ и правильно... Для работы лучше... А хорошенькая... въ мать.

Леночка и точно была прелесть какая. И что то было особенное Русское — въ ея лицѣ съ чуть широкими скулами, выдающимися у висковъ, прозрачною смуглинкою, сквозь которую просвѣчивалъ персиковый румянецъ, съ пушистыми бровями. Подъ ними въ темной опушкѣ очень густыхъ и длинныхъ, по дѣтски загнутыхъ вверхъ рѣсницъ, сіяли молодостью, золотою шампанскою игрою горѣли большіе каріе глаза. Волосы были темно каштановые, губы маленькія, сердечкомъ, безъ краски пунцовыя, носъ небольшой, задорно вздернутый, по Русски открытый. Когда Леночка сняла безобразившую, не по ней сшитую, съ чужого плеча кофту, она оказалась высокой и стройной, съ маленькими, не слишкомъ чистыми, послѣ дороги, руками и стройными ногами прекраснѣйшихъ линій.

Она съѣла противъ „мамочки”.

— Голодная?.. Ну, ничего... Потерпи... Пока вотъ кофею попей... Съ круассанами... По нашему — подковки... У нихъ, у французовъ, круассанами прозываются.

Леночка была очень голодна. Она второй день ничего не ѣла. Денегъ хватило въ обрѣзъ. У нея послѣ долгаго пути, ночей, проведенныхъ въ „жесткомъ” вагонѣ кружилась голова, и ей казалось что полъ ходилъ подъ ногами, какъ въ поѣздѣ.

Ея маленькій облѣзлый чемоданчикъ, такой легкій, [60] что она сама его и принесла былъ поставленъ на соломенный стулъ. Неонила Львовна кивнула на него.

— Всѣ твои вещи тутъ?

— Всѣ, бабушка.

— Какъ же ты доѣхала?..

Леночка не поняла вопроса. Она смотрѣла на старуху и молчала.

— Какъ тебя, говорю, выпустили?... Съ какимъ паспортомъ?..

— Съ нашимъ... Совѣтскимъ, — робко сказала дѣвушка.

— Ты тутъ этого не болтай... Заклюють... Ольга тебѣ все устроить. Чтобы шито, крыто. Полковникъ что-бы не пронюхалъ... Со свѣта сживетъ. Всю чистоту его бѣлыхъ ризъ испортишь.

Неонила Львовна пожевала губами. Леночка жадно пила кофе. Подковки исчезали за ея молодыми, бѣлыми, сверкающими изъ за алыхъ губъ зубами. Она плохо соображала, что ей говорила старуха. Все было такъ необыкновенно и совсѣмъ не такъ, какъ ей представлялось это въ ея думахъ во время дороги.

— Безбожница?

Леночка искоса посмотрѣла на бабушку и точно насторожилась.

— У насъ, бабушка, не учили... Мама когда то говорила немного.

— Да ты не смущайся. Я и сама такая. Своимъ умомъ до всего дошла. Ни къ чему всѣ эти поповскія исторіи.

Надолго замолчали. „Мамочка” налила еще чашку Леночкѣ.

— Пей, милая. Ты голодна. Я еще приварю. На вотъ тебѣ хлѣбца пожуй... Съ масломъ.

Неонила Львовна достала съ небольшого буфета длинную тонкую булку, приготовленную къ обѣду, сливочное масло и поставила передъ Леночкой.

— У васъ всего изобиліе, — тихо сказала, прожевывая булку съ масломъ, Леночка. — Намъ говорили: — у васъ голодъ большой. Ничего не хватаетъ. [61]

— Все врутъ, милая. И тутъ, какъ и тамъ врутъ. А ты не вѣрь... Никому и тутъ не вѣрь.

И опять замолчали.

Неонила Львовна смотрѣла, не сводя глазъ на Леночку. Все было въ ней такъ необычно. „Съ совѣтскимъ паспортомъ”, — думала старуха. — „Хуже, чѣмъ съ волчьимъ... Право — лучше бы „желтый билетъ” у ней былъ... Никуда не примутъ. Ни туда — ни сюда... И замѣнить, сколько хлопотъ будетъ. Гдѣ помѣстить ее?... Какъ содержать?... Ёсть то какъ много!... Куда ее устроить?... Что она умѣетъ дѣлать?... Ну, помѣстить?... Помѣщу къ себѣ. Больше и некуда. Рядомъ полковникъ съ Ольгой... Не къ нимъ же?... На верху — Шурка дуракъ... Мишель Строговъ... А деньги?... Надо какъ нибудь поддержать... Вѣдь брата родного внучка”...

Послѣ кофея разставляли въ маленькой комнатушкѣ мебель, устраивая ложе для Леночки. Разсматривали ея барахло. Вещей, бѣлья, платьевъ у дѣвушки ничего не оказалось. Все надо будетъ купить.

— Деньги то, Лена, есть ли у тебя?

Дѣвушка со смѣхомъ высыпала содержимое стараго Русскаго кошелька на столъ.

— Вотъ, посчитайте: — тридцать пять... нѣтъ... вру... сорокъ сантимовъ. Всѣ и мои капиталы... Настоящая капиталистка... Буржуйка... Я, бабушка, трудовой народъ... Пролетарка стопроцентная...

ХІІІ.

Послѣ ужина вся семья осталась сидѣть за круглымъ столомъ. Мишель Строговъ не сводилъ узкихъ глазъ съ милого лица Леночки. Полковникъ слушалъ, задавая отъ поры до времени вопросы, и каждый его вопросъ заставлялъ Леночку умолкать, настораживаться и уходить въ себя.

„Нѣтъ все-таки она очень запугана”, — думала, наблюдая Леночку, Ольга Сергѣевна. [62]

Леночка оживленно рассказывала своимъ не всегда понятнымъ языкомъ о томъ, какъ проводится смычка города съ деревней, о работѣ въ колхозахъ, о задачахъ пятилѣтки. Она говорила такъ, точно ей шелъ не восемнадцатый, а по крайней мѣрѣ тридцать пятый годъ и была она проповѣдницей новой вѣры.

— У насъ... Америкѣ не уступитъ... Черезъ два года переплюнемъ и Америку.

— Такъ у васъ же голодъ!... Голыми люди ходятъ! Вонъ въ какихъ лохмотьяхъ вы пріѣхали, смотрѣть страшно. Тебѣ, Леля, надо будетъ завтра со службы отпроситься, да въ „Самаритѣнъ” ее свести, одѣть, обувь надо, — рѣзко сказалъ полковникъ.

— Это... голодъ, дядя, пока, — быстро и твердо, какъ заученный урокъ сказала Леночка.

— Ну... А какъ красная армія?...

Точно какая то тѣнь пробѣжала по глазамъ Леночки. Какъ то рѣзче выдались скулы.

— Ничего, дядя.

— Ну, а все-таки?... Въ Бога, напримѣръ, не вѣрять?...

— Кто хочетъ вѣрять... Кто не хочетъ... Никто не насилуетъ, — холодно отвѣтила Леночка. Ея оживленіе какъ то сразу пропало.

Ольга Сергѣевна пришла на помощь племянницѣ.

— Ты маму вспоминаешь?...

— Да.

— Какъ же ее похоронили?...

— Обыкновенно какъ... Отвезли въ Троцкѣ на кладбище и зарыли...

— Безъ священника, — съ ужасомъ сказала Ольга Сергѣевна.

— Гдѣ это еще такой Троцкѣ? — возмущился полковникъ и закурилъ чуть не десятую папиросу. Разговоръ его очень уже волновалъ. Онъ потомъ признавался, что у него было такое чувство, какое бываетъ, вѣроятно у собаки, когда та лаетъ на кошку, забравшуюся на дерево. Весь онъ какъ то подобрался и напряжился. Въ виски у него стучало. Очень хороша была Леночка и такъ напоминала ему его Лелю, когда пер[63]вый разъ увидалъ онъ ее на гимназическомъ балу. И вмѣстѣ съ тѣмъ было въ ней нѣчто чуждое и какъ бы страшное... „Совдепка”!...

— Священникъ... Очень дорого... И мама?... Она никогда не ходила въ церковь.

— Ну, а какъ же эти люди, которые?... Ты съ ними потомъ жила?... Видалась?... Ужасные, должно быть, люди, — плохо скрытая брезгливость и пренебреженіе были въ голосѣ Ольги Сергѣевны. Она не посмѣла сказать прямо: — „убійцы твоей матери”.

— Тетя... Послушайте... Но мама же сама была во всем виновата. Она их все хамами называла... Они на это обижались. И потомъ. Вотъ у васъ тѣсно. А тамъ жил-площадь ужасно какая маленькая... А у мамы двѣ комнаты... Ну и они злились.

Нѣтъ, Леночка не осуждала убійцъ своей матери. Она ихъ понимала. И страшной казалась ей чисто Русская красота. Она была другая. Изъ другого міра, гдѣ иныя были понятія и новая была мораль. И что въ ней было — своя правда, которой ни полковникъ, ни Ольга Сергѣевна не могли постигнуть, или страшная безъоглядная сатанинская ложь? Это сразу почувствовали, и даже самоувѣренный и самовлюбленный Мишель Строговъ понялъ, что Леночка говоритъ точно на какомъ то другомъ языкѣ.

Она принесла съ собою на виллу „Les Coccinelles” большія заботы. Прежде всего заботы матеріальныя. Нордековы еле концы съ концами сводили. „Мамочка” давно продала все, что только можно было продать. Она готовила ужинъ и прибирала комнаты, тѣмъ помогая своей дочери и зятю. Мишель Строговъ былъ „самъ по себѣ”. Съ него взятки были гладки. Онъ платилъ за столъ и квартиру и врядъ ли онъ далъ бы что нибудь на Леночку. Устроить Леночку на службу, по крайней мѣрѣ, въ ближайшее время было невозможно... Сразу было видно, что она ничего не умѣла дѣлать. Пролетарская школа второй ступени не дала ей ничего для того, чтобы она могла зарабатывать хлѣбъ. Правда она знала французскій языкъ. Рукодѣліемъ не занималась, по Русски писала — по совѣтски, — значитъ: — здѣсь это [64] ни къ чему. Манеры у нея были такія, что даже въ треть-разрядный ресторанъ подавальщицей ее не приняли бы. И притомъ — красота!... Оригинальная Русская, съ французской точки зрѣнія — экзотическая — красота!... Ей гейшу на сценѣ безъ грима играть! Въ Русскомъ сарафанѣ Русскую плясать!... да умѣть ли еще? При ее годахъ, при ее морали — скользкій это былъ путь и ни Ольга Сергѣевна, ни даже Неонила Львовна не хотѣли рисковать толкнуть на него Леночку.

Внесла она и заботы моральныя. Съ совѣтскимъ паспортомъ!... Какъ сказать объ этомъ знакомымъ?... Безбожница?... Какъ повести ее въ церковь? гдѣ такой красавецъ и святой священникъ... Приѣхала изъ Совѣтской Россіи. А у исповѣди была?... Ее распрашивать стануть, а она вотъ какая!... Чуть посерьезнѣе вопросъ и замолчитъ, уйдетъ, какъ улитка въ раковину, ежомъ свернется въ клубокъ, и только красивые глаза горятъ исподлобья недобрымъ, недовѣрчивымъ огнемъ... Точно и не человѣкъ, а какой то хищный, красивый звѣрекъ.. Какъ такую покажешь ихъ колоніи?... Заподозрять чего добраго въ шпіонажѣ?... Чураться будутъ ихъ дома. Совдепка!... Какое это страшное слово! Хуже чумы, или оспы. Точно заразно больная у нихъ появилась... Какъ, почему ее выпустили?... Вотъ другія бѣгутъ, съ опасностью для жизни тайкомъ перебираются черезъ границу, идутъ „нелегально”. Выходятъ фиктивно замужъ за латышей, эстонцевъ, поляковъ... А она съ совѣтскимъ паспортомъ!... Значитъ, были у ней какія нибудь заслуги передъ совѣтской властью. Значитъ что то въ ней есть... ее бы спросить?... Да, такъ она вамъ и отвѣтитъ!... Вотъ она какая! Полковникъ спросилъ ее: — „есть ли въ красной арміи барабаны?...”

— Не знаю, — коротко и рѣзко сказала Леночка.

— А какіе конные полки видали вы въ Петербургѣ?

— Я никакихъ полковъ не видала, — какъ ножомъ отрѣзала Леночка.

Развѣ съ ней разговорисься?

Леночку уложили пораньше спать. Глаза у нея слипались. Очень она устала съ дороги. „Мамочка” и Нордековы заперлись въ полковницкой комнатѣ на семей[65]ный совѣтъ. Говорили шопотомъ. Стѣны тонкія, дверь, какъ изъ картона. Французскій домъ... Пересчитали отложенное на черный день на случай чьей нибудь болѣзни или смерти: — тысяча двѣсти тридцать франковъ. Еще полковникъ могъ въ своемъ объединеніи позаимствовать двѣсти. На эти деньги надо обрядить Леночку. У нея всего одна рубашечка, да и та такая заношенная, что здѣсь ни одна прачка не возьметъ ее стирать.

Завтра въ часы перерыва Ольга Сергѣевна откажется отъ завтрака и поѣдетъ съ Леночкой въ „Samaritaine” одѣтъ ее. Мамочка привезетъ ее до Парижа. На Marché des ruses полковникъ ей купить какое нибудь sommier, подушку и одѣяло.

Когда разошлись они всѣ трое, наконецъ, по постелямъ было у нихъ на душѣ что то особенное. Смущена была ихъ душа. Точно вошло въ ихъ жизнь что то новое, неизвѣстное и страшное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и родное, родное, родное!!...

Это чувство, уже засыпая, Ольга Сергѣевна весьма ясно опредѣлила.

— Ты спишь, Георгій, — спросила она.

— Ну?

— Ты знаешь?... Отъ нея Россіей все таки пахнетъ... Вотъ, какъ у насъ сирень пахнетъ... А тутъ цвѣла, а запаха почти и не слышно... Вотъ и мы... Отъ насъ Россіей никакъ уже не пахнетъ... Выдохлись мы... А она, хотя и совѣтская, а все Русская.

— Ну, ну, — промычалъ полковникъ и повернулся на другой бокъ.

XIV.

Странная была Леночка. Она старалась помогать по хозяйству „мамочкѣ”. По вечерамъ сидѣла со всѣми за ужиномъ, но почти всегда молчала. Если ее о чемъ нибудь спросятъ — она коротко отвѣтитъ: — „да”... „нѣтъ”. А больше отзовется незнаемъ: — „не слыхала”... „не знаю”... [66]

Но, когда всѣ уѣдутъ въ городъ на службу, и „мамочка”, напившись кофею, приляжетъ „на часокъ” — отъ 2-хъ до 5-ти, — Леночка тихой мышкой сбѣжитъ въ подвальчикъ къ Нифонту Ивановичу.

Старый казакъ сидитъ на низкомъ стульцѣ — такъ почему то полагается сапожнику, — противъ него сучить дратву Фирсъ. Изъ открытой въ сосѣднюю каморку двери несетъ парнымъ бѣльемъ, тамъ шлепаютъ босыя ноги: — суетится Зося со стиркой.

Леночка войдетъ въ каморку и сядетъ на единственный стулъ, предназначенный для заказчиковъ. Такъ сидитъ она довольно долго, наблюдая работу.

— Дѣдушка, дайте-ка и я попробую. Нифонтъ Ивановичъ охотно ей показываетъ.

— Самое правильное, барышня, по нынѣшнимъ временамъ рукомесо, — наставительно говоритъ Нифонтъ Ивановичъ. — Новые башмаки съ нынѣшнимъ кризисомъ кто укупить? Подметки всякому нужны... Въ дырявыхъ башмакахъ долго не проходишь. Чинка, заплаты — отбоя нѣтъ... Французы мою работу очень даже уважаютъ... Моя подметка на годъ... Хотя по стеклу толченому ходи.

Леночка поработаетъ съ часокъ. Потомъ отложить работу, откинется на спинку стула и запоетъ:

— Жила была Россія
Великая держава.
Враги ее боялись —
Была и честь и слава...

Голосокъ у нея жиденькій и слабый, но поетъ она вѣрно, и такъ жалобно, что Нифонтъ Ивановичъ задумается и отложить въ сторону инструментъ.

— Теперь ужъ нѣтъ Россіи: —
Россія вся разбилась
Ахъ Солнышко!...
Куда ты закатилось?...

— Эту пѣсню, барышня, у насъ на Лемносѣ тоже пѣли. Ну только не такъ жалостно. Гдѣ вы ее узнали?... [67]

— Въ Ленинградѣ, помню, эту пѣсню дѣтишки пѣли. Вотъ этакія — Леночка показала на полъ аршина отъ земли, — совсѣмъ маленькія... Какъ ихъ ругали!... Запрещали настрого... А они пѣли... Да... Правда... Я помню...

— Поди, кто ихъ училъ... Не безъ того...

Леночка надолго примолкла. Потомъ вдругъ устремила глаза куда то въ даль, гдѣ точно она что то видѣла давнее и далекое и стала говорить съ какою то внутреннею дрожью:

— Я помню... Это еще тогда... Раньше было... Извозчикъ по Загородному ѣдетъ. И на немъ офицеръ съ бѣлымъ околышкомъ... Преображенскій что ли?... Безъ ноги... Раненый, значить... Инвалидъ... Ногу у него на войнѣ отняли. И два солдата съ нимъ... Съ ружьями... И, значить, бьютъ его... Толкаютъ.. Кровь съ лица течетъ... Да... Правда... А онъ блѣдный, нахмуренный... Что онъ думаетъ?... И молчитъ... Не пикнетъ.. И глаза такіе... Страшные, претрашные... Я хоть и маленькой тогда была, а помню...

Нифонтъ Ивановичъ, сосредоточенно нахмурясь, моталъ рукою съ шиломъ, сшивая кожу. Фирсъ пересталъ работать и внимательно, не мигая, смотрѣлъ на Леночку. Въ мастерской было тихо и только рядомъ негромко плескала вода и мокро шлепало бѣлье...

Леночка подняла опущенную головку и негромко запѣла:

— Схоронили яблочко.
Остался только кончикъ,
А теперь вся наша жизнь —
Кисленькій лимончикъ...

— Вотъ, помню, маму хоронили... Вотъ ужасъ то былъ!... Ее убили и пока тамъ вскрытіе было, да разбирали, почему она умерла, — она, знаете, и протухла. Мнѣ ее изъ больницы выдали — вези на кладбище. Да... просто сказать... Гробовъ нѣтъ... И на прокатъ то взять такъ и то дорого. Барашкина жилица, — она потомъ повѣсилась, — взялась мнѣ помочь. Взяли мы салазки... А снѣгу то еще и нѣтъ совсѣмъ. Привязали ма[68]му и повезли. А салазки, знаете, короткія, и ноги по землѣ волочатся. Кожа даже сходитъ. Кости обнажаются... Вотъ было страшно то...

Въ мастерской стало томительно тихо. У Нифонта Ивановича сосало подъ ложечкой. Слышно было, какъ за стѣной и совсѣмъ недалеко непрерывно гудѣлъ Парижъ. Иногда по rue de la Gare протрещитъ мотоциклетка, и стихнетъ вдали за поворотомъ. Вдругъ громко прошумитъ грузовикъ, стѣны домика затрясутся и опять станетъ тишина, сопровождаемая немолчнымъ гуломъ города гиганта.

— Много и вы повидали, барышня, — какъ то проникновенно, съ большимъ уваженіемъ и глубокою сердечною жалостью сказалъ старый Агафошкинъ.

Леночка посмотрѣла на него. Золотыя искры зажглись въ ея глазахъ. Она погладила Топси, лежавшую на полу между нею и Нифонтомъ Ивановичемъ и сказала съ нескрытою насмѣшкою:

— Послушайте, что вы мнѣ все „барышня“, да „барышня“... Какая я барышня?... Или еще того смѣшнѣе, дядю „ваше высокоблагородіе“ называете? Такого и слова то нѣтъ... Смѣшно ужасно и дико...

Нифонтъ Ивановичъ растерялся. Онъ не зналъ, что и отвѣтить. Хмуρο и со злобою пробурчалъ Фирсъ:

— Потому въ васъ голубая кровь... Слыхали, можетъ быть?

Леночка безтрепетно взглянула прямо въ узкіе, сосредоточенные, такіе же упорные, какъ у Мишеля Строгова, глаза Фирса.

— Это то я давно слышала... Еще тамъ... Помню... Только большевики давно всю голубую кровь повыпускали... Нѣтъ ея больше.

— Видать... Осталась...

Нифонтъ Ивановичъ уже нашелся.

— Сколько разовъ я говорилъ тебѣ, обормотъ, что никакой голубой крови нѣтъ. Каждый могѣтъ своего достигнуть... Очень даже просто... Важный... Отъ солдата до генерала дорога одна: — усердіе къ службѣ, рвеніе передъ Государемъ, вѣра въ Господа, молитва [69] и храбрость... А голубая кровь очищается черезъ образованіе. Понялъ?...

Фирсъ весь вскипѣлъ. Онъ съ сердцемъ бросилъ на кирпичный полъ колодку и сказалъ со злобою:

— Ежели образованіе, то подавай его всѣмъ равно... Ты инженеръ и я инженеръ... Ты офицеръ и я офицеръ... А то однимъ ниверситетъ съ профессорами, а другимъ начальная школа съ учительшей, что ни бэ ни мэ не мэмэкаетъ.

Фирсъ былъ такъ взволнованъ, что вышелъ изъ мастерской и поднялся въ садикъ. Слышно было черезъ окно, какъ онъ тамъ шумно вздыхалъ и чиркалъ спичку — курить собирался.

— Онъ у васъ такой, дѣдушка? — прикрывая маленькой смуглой ручкой ротъ тихо спросила Леночка.

— Какой такой?...

— Большевикъ!..

— Ну да, — недовольно проворчалъ дѣдъ. — Какой онъ большевикъ? Дуракъ сторосовый и все... Обормотъ!...

Леночка вскочила со стула и стремительно прошмыгнула изъ мастерской. Топси, виляя хвостомъ, бросилась за нею.

— Фирсъ Петровичъ, пожалуйста, снизойдите къ намъ. Устроимъ смычку между голубою и алою кровью. Я вамъ пѣню про ваше сапожное дѣло спою.

Фирсъ, мрачный, накурившійся, нарочно стуча сапогами, спустился въ мастерскую и взялъ колодку. На дѣда онъ не смотрѣлъ. Ворочалъ колодку подъ самымъ носомъ, точно облизать ее хотѣлъ. Леночка стала у окна. Низъ ея тѣла былъ въ тѣни. Только стройный станъ и головка съ растрепавшимися волосами были освѣщены голубоватымъ свѣтомъ. Кончики волосъ свѣтились какъ бы окруженные ореоломъ. Леночка подняла голову и запѣла весело и звонко, не боясь разбудить „мамочку”.

— Растоптала я ботинки,
А мой милый сапоги.
Каждый день ходи на сходки,
Митинги, да митинги...

[70] XV.

Вотъ и разгадай ее, эту Леночку? Ни „мамочка”, ни Ольга Сергѣевна, ни полковникъ, ни даже самъ премудрѣйшій Нифонтъ Ивановичъ понять ее не могли.

— Ну, какъ ты нашла Шуру? — спросила Леночку Ольга Сергѣевна.

— Ахъ, тетя... Я его совсѣмъ не узнала, такъ онъ перемѣнился. Прелесть. Настоящій человекъ. Онъ пробьетъ себѣ дорогу... И что мнѣ особенно нравится — что онъ — Мишель Строговъ!... Значить — безъ предразсудковъ. Отказался отъ отцовской фамиліи и имени. Онъ таки завоюетъ себѣ мѣсто на землѣ.

Леночка искала случая оставаться вдвоемъ съ „настоящимъ человѣкомъ”. Она ходила встрѣчать его на станцію и провожала его до дома. Она брала въ свою маленькую ручку его большую сырую отъ работы и усталости руку и такъ шла съ нимъ какъ ходятъ дѣти. Мишель смущался, краснѣлъ, но руки не отнималъ и шелъ, надутый и важный. Они больше молчали. Леночка смотрѣла на него восторженными глазами и не знала, что сказать. Однажды, во время такого шествія она вдругъ и совершенно неожиданно выпалила:

— Мишель!... Я хотѣла бы, чтобы вы мнѣ сдѣлали ребенка.

Она сказала это совершенно серьезно, почти строго, прямо глядя въ немигающіе глаза Мишеля. Сказала съ такою откровенною наивною, что Мишель смутился и совершенно растерялся. Онъ выдернулъ свою руку изъ ея руки и почти побѣжалъ къ дому. Дома онъ заперся въ своей комнатѣ.

Онъ считалъ себя „безъ предразсудковъ”. Но и ему это показалось слишкомъ грубымъ.

Въ эти, какъ разъ дни Топси вдругъ пополнѣла, и Ольга Сергѣевна сказала, что она щенная, что у нея дѣти будутъ, а полковникъ доказывалъ, что это потому, что она кушаетъ слишкомъ много.

И Мишелю Строгову пришла на память Топси. Не [71] эстетъ онъ былъ, конечно, но сопоставленіе собаки съ тѣмъ, что ему „выпала” Леночка было ужасно. Онъ не хотѣлъ спускаться къ ужину, но матеріальныя **сообщенія**, что за ужинъ имъ заплачено взяли верхъ и онъ сошелъ къ столу.

Леночка была въ рѣдкомъ настроеніи возбужденія, когда ее вдругъ точно прорывало и она говорила затверженные въ школъ уроки и проповѣдывала новую мораль. Ея лицо пылало. Золотыя искры сверкали въ ея глазахъ. Полковникъ оперся лицомъ на ладони и съ нескрываемой тоскою слушалъ ее. Ольга Сергѣевна плакала. „Мамочка”, не мигая, смотрѣла на внучку маленькими, хищными глазками.

— Націонализмъ и патріотизмъ, — рубила Леночка, — чувства, заслуживающія презрѣнія. Я знаю народъ... Кажется повидала его достаточно. Въ школъ кругомъ меня все были дѣти народа. Народъ не интересуется величіемъ своей Родины. Короли и буржуи выдумали это совсѣмъ ненужное слово. Будущее это — интернаціональ... Намъ съ высокаго дерева плевать на историческія традиціи, на красоту и на религію... Все это продукція прежней болѣзненной сентиментальности... Вы, дядя, давали мнѣ читать Тургенева. Я его не понимаю... Одинъ вздоръ. И Пушкинъ вздоръ — мармеладная конфетка, сладкая резина, что жуютъ американцы.

— Но какъ же, Леночка, поднимая голову на племянницу съ тоскою въ голосѣ сказалъ полковникъ. — Вы еще такъ недавно говорили намъ, что, когда кончится пятилѣтка, большевики перещеголяютъ Америку... Вы гордились этою самою Америкою.

— Да... говорила... Ну что жъ?

— Но это же патріотизмъ.. Скрытый патріотизмъ!..

— Ахъ, что вы, дядя!... Это торжественное шествіе интернаціонала!... Это завоеваніе міра большевиками.

Ольга Сергѣевна не могла больше выносить. Она встала и пошла въ переднюю мыть посуду. За нею прошлепала „мамочка”. Мишель Строговъ, уязвленный тѣмъ, что Леночка смотрѣла на него, какъ на пустое мѣсто, ушелъ къ себѣ и, запершись на ключъ, углубил[72]ся въ чтеніе „Le Sport”, единственной газеты, которую онъ признавалъ.

Полковникъ внимательно, съ глубокою жалостью, смотрѣлъ въ прекрасные Леночкины глаза. Она смѣло выдерживала его взглядъ. Ея щеки горѣли, какъ въ лихорадочномъ жару.

— Родина — мать, — тихо сказалъ полковникъ. Ему казалось, что голосъ его былъ тепелъ и глубокъ. Онъ вложилъ много чувства и сердца въ эти слова. — Съ любви къ родителямъ, къ отцу и матери, и начинается патріотизмъ. Семья... Потомъ — Родина... И

только послѣ всего этого — человѣчество. Вѣдь любили же вы свою маму, такъ трагически окончившую жизнь?

— Любила?... Я какъ то не думала никогда объ этомъ... Когда мы увязывали съ гражданкой Барашкиной протухшее тѣло на салазки, я не плакала. Я только думала, какъ бы поскорѣе это кончить. Мнѣ было все-все равно. Я точно провѣрила свое дочернее чувство. И, знаете, его у меня не было. Да его и не должно быть. Это чувство животное, не достойное культурнаго человѣка. У прежнихъ людей оно было привито искусственнымъ образомъ черезъ религію. Я не коммунистка и ею никогда не была. Но, когда мы увязывали мамино тѣло, гражданка Барашкина мнѣ сказала, что мама была буржуйка и что она была врагомъ рабочихъ и крестьянъ, вообще всего трудового народа. Я промолчала... Но это была правда. Мама всегда рабочихъ называла хамами. Она ихъ и точно не любила.

— Да... Вотъ оно какъ!... Что же это за новое поколѣніе растеть въ Россіи?...

Леночка встала. Ея красивая грудь часто вздымалась.

— Это растеть... Да, конечно, новое поколѣніе... Не смѣшные ваши Рудины, Онѣгины и Райскіе, Донъ Кихоты Россійскіе, на комъ вы хотите воспитывать меня, но поколѣніе, не знающее сентиментализма. Настоящіе борцы за право жить.

— Васъ хорошо и крѣпко учили въ школѣ второй ступени. [73]

— Учили... Да... Но, дядя... Когда такъ жить хочется... Ахъ какъ хочется жить!..

Леночка закинула руки вверхъ и назадъ, охватила ладонями затылокъ и, качая бедрами, вышла изъ комнаты. Она спустилась въ маленькій палисадникъ, въ темноту ночи.

Тамъ она долго стояла, опершись о калитку спиною и смотрѣла на незавѣшенное, ярко освѣщенное окно Мишеля. Но окно было высоко, балкончикъ загромаждалъ его, и не было видно, что дѣлаетъ тамъ Мишель Строговъ.

Въ подвалѣ у Агафюшкина погасли огни. Въ комнатѣ у полковника спустили шторы и зажгли лампу; полковникъ и Ольга Сергѣевна ушли изъ мамочкиной комнаты. Тогда Леночка медленно пошла домой.

„Зачѣмъ я это говорила”, — думала она. — „Развѣ могутъ они понять меня?... Слѣпорожденные... Какъ я могу понять ихъ „Дворянское гнѣздо”?... Гнѣздо... Гнѣздо... Какъ это смѣшно звучитъ!...”

Она всходила на лѣстницу и повторила уже вслухъ:

— Гнѣздо... Это — гнѣздо?... И здѣсь Евгенийъ Онѣгинъ, или Вѣра изъ „Обрыва”... Все у нихъ въ прошломъ!... Все — земное и непонятное... Идеалы... А я тянусь къ будущему... Къ свѣтлomu будущему... Къ звѣздамъ!!..

XVI.

Съ кѣмъ согрѣшила Топси такъ и осталось невыясненнымъ. Во всякомъ случаѣ врядъ ли съ косматымъ и колючимъ Марсомъ. Щенята родились темненькіе, темнѣе матери и такіе нѣжные и пушистые, точно кроты. Съ тоненькою, короткою, бархатистою шерсткою.

Топси оценилась утромъ въ саду. Въ этотъ день она не принесла полковнику газеты, но по одному перетаскала всѣхъ шесть щенятъ въ зубахъ и положила ихъ на коврикъ подлѣ печки.

Всѣ любовались ими. Даже полковникъ не разсер[74]дился на то, что онъ остался безъ газеты. Ольга Сергѣевна, какъ сѣла надъ ними, такъ и свой кофе позабыла и чуть не опоздала на службу. Такіе они были забавные, слѣпые и беспомощные. Такъ славно чмокали они, уткнувшись въ грудь матери. Топси съ благосклонною гордостью показывала

ихъ всѣмъ, и заботливо тыкала мордою тѣхъ, кто не сразу находилъ, гдѣ сосать. Въ этотъ день, кажется, первый разъ полковникъ съ Ольгой Сергѣевной обмѣнялись двумя словами, когда расходились у вокзала Invalides.

— Что же мы будемъ съ ними дѣлать? — сказалъ полковникъ.

— Они прелестные, — сказала Ольга Сергѣевна. Ея грудной голосъ звучалъ тою молодою красотой, которою она нѣкогда покорила Георгія Димитріевича.

И супруги разошлись. Въ этотъ день солнце ярко свѣтило. Сена была въ золотистыхъ искоркахъ и крыша на grand Palais нестерпимо сверкала. Зеленоватые бронзовые кони на ея углу несли колесницу съ голымъ богомъ въ голубыя дали. По небу плыли розовые барашки. Само небо походило на тѣ яркіе плафоны, что украшаютъ Версальскій дворець. Казалось, что вотъ вотъ раздвинутся шире розовыя облака, обратятся въ раковины, въ гирлянды цвѣтовъ, и изъ за нихъ проглянетъ въ серебряномъ хитонѣ торжественно шествующая Аврора, окруженная трубящими въ золотыя трубы геніями.

Дѣлать что то со щенятами было нужно. Въ тѣсныхъ комнатахъ они мѣшали. Хозяинъ сказалъ, чтобы ихъ не было. Онъ и Топси не разрѣшалъ держать, но только терпѣлъ ее.

— Il faut debarrasser, — сердито, тономъ, не допускающимъ возраженія сказалъ онъ. — Il faut!

Нордековы знали цѣну французскаго „il faut”... „Il faut payer”... „Il faut vivre”... „Quand même”... „Mais — alors...”

— Что же, топить ихъ развѣ придется, — сказалъ раздумчиво Нифонтъ Ивановичъ.

— Зачѣмъ топить?... Ну, сказали тоже?... По людямъ раздадимъ, — вмѣшался Фирсъ. [75]

Но раздать по людямъ оказалось не такъ то просто. Напрасно предлагала ихъ Ольга Сергѣевна въ церкви пѣвчимъ и отцу діакону и самому батюшкѣ. Всѣ сочувствовали ей. Нѣкоторые даже приходили полюбоваться на нихъ, находили ихъ удивительными. Одна хористка, и тоже полковница, безъ конца цѣловала ихъ, прижимала къ груди, тискала, выбирала, кого возьметъ, разглядывала, кто мальчики, кто дѣвочки, а взять такъ никто и не рѣшился.

— Знаете, у насъ хозяинъ, ни за что не позволить.

— Мы отъ жильцовъ комнату имѣемъ... Намъ никакъ нельзя.

— Рада бы, милая, взять, да консержка у насъ чистая вѣдьма...

И топить ихъ тоже не смогли.

Сказали Нифонту Ивановичу. Тотъ руками замахалъ.

— Ну что вы, ваше высокоблагородіе... Никакъ это невозможно. Божія тварь вѣдь... Это все одно, какъ дите потопить.

Отказался и Фирсъ.

Мишель Строговъ посмотрѣлъ своимъ неломающимся взглядомъ узко поставленныхъ глазъ и проворчалъ :

— Мараться то не охота.

Такъ и жили они, приговоренные къ смерти, жили потому, что оказалось приговорить то ихъ къ смерти приговорили, а привести приговоръ въ исполненіе никто не рѣшился: не было палача.

А у собачекъ между тѣмъ уже прорѣзались глазки. Черными блестящими изюминами смотрѣли на свѣтъ Божій, и такая была въ нихъ радость бытія, что у всѣхъ обитателей виллы „Les Coccinelles” нестерпимо болѣли сердца и тяготила тяжкая дума, какъ бытіе это отъ нихъ отнять.

Весною у полковника было такъ много воспоминаній и поминальныхъ дней. И тяжелыхъ, печальныхъ и героическихъ. Ледяной походъ... Атака Екатеринодара... Смерть Корнилова... Все это заставило полковника соприкоснуться съ былыми боевыми друзьями соратниками. Къ огорченію Ольги Сергѣевны было много выпито и еще болѣе произнесено хорошихъ, бодрыхъ рѣчей о побѣдахъ прошлыхъ и о побѣдахъ будущихъ... „Борьба продолжается”...

Размякшій полковникъ приглашалъ на ближайшее воскресенье гостей.

Всѣ позванные имъ были люди твердые, вѣрующіе въ окончательную побѣду, не „свернувшіе знаменъ”, честные, славные и бодрые люди и потому, — полковникъ это отлично понималъ — особенно ненавистные Ольгѣ Сергѣевнѣ.

Но, назвался груздемъ — полѣзай въ кузовъ. Ольга Сергѣевна была нѣкогда полковой дамой хоть куда и обычаи гостепріимства знала. Сцена была только домашняя — до приѣма — а къ самому приѣму гроза и буря миновали. „Мамочка” и Леночка были мобилизованы. На кругломъ обѣденномъ столѣ тонко катали тѣсто и рюмкою отбивали кружки для разсыпчатого печенья „совсѣмъ, какъ въ Россіи”. Нифонтъ Ивановичъ съ Фирсомъ — не ударить же въ грязь лицомъ виллѣ „Les Coccinelles” — носили бутылки блѣднаго бѣлаго „ординера” и толстыя пузатыя бутылки краснаго вина съ этикеткой, гдѣ былъ изображенъ румяный красный почтальонъ въ сѣромъ цилиндрѣ...

По словамъ полковника готовился еще и сюрпризъ, и Ольгѣ Сергѣевнѣ было сказано, что особенно думать о закускѣ не приходится: — гости сами принесутъ закуску.

Погода выдалась замѣчательная. Сирень въ палисадникѣ цвѣла. Въ клумбахъ хозяинъ натыкалъ какихъ то цвѣтовъ. И, если что смущало — такъ это категорическое приказаніе хозяина, чтобы завтра никакихъ ще[77]нять ни подъ какимъ видомъ не было. А они, какъ на зло, такъ уморительно, весело и безопасно кувыркались и рѣзвились подлѣ своей мамы...

Вечеръ обѣщалъ быть теплымъ. Рѣшено было приѣмъ устроить въ палисадникѣ. Со всего дома вынесли столы и стулья, приспособили скамьи. Посуда была разнокалиберная: — ее занимали черезъ дачу у знакомыхъ Русскихъ. Столы были безъ скатертей. Не всѣмъ было на что сѣсть, — но всякій же долженъ понимать, что это не мирный приѣмъ у царскаго полковника Нордекова, а приѣмъ на походѣ („война продолжается”) — и потому: — *à la guerre comme à la guerre* — эта старая избитая поговорка, какъ нельзя болѣе подходила къ обстановкѣ приѣма у Нордековыхъ.

Въ восьмомъ часу Нифонтъ Ивановичъ сталъ хлопать пробками, откупоривая бутылки. Неонила Львовна торжественно принесла большое блюдо тонко нарѣзанныхъ сэндвичей, а Леночка, сіяя красотой своихъ девятнадцати лѣтъ и новаго Парижскаго платья, разставляла стаканы и рюмки. Ольга Сергѣевна съ Зосей и Фирсомъ на двухъ газовыхъ плиткахъ въ двухъ этажахъ кипятили большіе чайники. Полковникъ похаживалъ, поджидая гостей и о чемъ то таинственно перешептывался съ Нифонтомъ Ивановичемъ.

Первыми пришли Парчевскіе и съ ними безрукій инвалидъ, молодой и молодцеватый капитанъ Ротовъ. Они принесли съ собою небольшой чемоданчикъ.

— Что это, господа, — говорила, цѣлуясь съ Лидіей Петровной Парчевской, Ольга Сергѣевна, — развѣ такъ полагается со своей закуской въ гости ходить?... Совсѣмъ это напрасно такое баловство.

Парчевскій, нарядный, въ прекрасномъ сѣромъ костюмѣ, съ большими „гусарскими” усами на холеномъ бритомъ лицѣ, изящно склоняясь и цѣлуя руку, сказалъ :

— Это все Кавказъ надумалъ. Его и вините.

— Ольга Сергѣевна, дорогая, шашлыкъ будемъ готовить, — сказалъ безрукій капитанъ. Онъ говорилъ съ легкимъ кавказскимъ акцентомъ. — У васъ тутъ великолѣпно... А я мастеръ по этой части... И только, гос[78]пода, прошу мнѣ не мѣшать... Кто помогаетъ — тотъ мѣшаетъ — это основное правило... Никогда не надо этого забывать.

— Но, позвольте... Вѣдь шашлыкъ, кажется надо на угольяхъ?...

— На угольяхъ, дорогая... Уголья несетъ Ферфаксовъ.

— Но гдѣ же?... Какъ же?...

— Это не беспокойтесь, пожалуйста... Все соорудимъ... Мнѣ бы только нѣсколько кирпичей достать... Больше ничего и не нужно...

— Гдѣ же вы думаете это дѣлать? — уже съ беспокойствомъ сказала Ольга Сергѣевна.

— Въ саду, дорогая Ольга Сергѣевна... Здѣсь прямо прекрасно въ затишкѣ.

— Но это же костеръ надо разводить?

— Никакой не костеръ... Немного угольковъ, чтобы жаръ былъ.

— Но, господа, что вы такое придумали? Вы знаете французскихъ хозяевъ... да насъ завтра съ квартиры погонять, если мы здѣсь въ ихъ садикѣ костеръ будемъ раскладывать.

— Мы все приберемъ послѣ, дорогая Ольга Сергѣевна, пожалуйста, не беспокойтесь... Станичникъ, — обратился Ротовъ къ Нифонту Ивановичу, — нельзя ли у васъ тутъ нѣсколькими кирпичами разжиться?

Нифонтъ Ивановичъ, живо заинтересованный господской затѣей быстро спустился къ себѣ и принесъ шесть кирпичей.

— Такъ довольно будетъ, ваше высокоблагородіе?

— Отлично, — распоряжался какъ въ своемъ собственномъ саду Ротовъ. — Вотъ онъ и Ферфаксовъ и съ углями.

— Но, господа, — пробовала еще протестовать Ольга Сергѣевна, но приходъ новыхъ гостей отвлекъ ее.

Полковникъ Ферфаксовъ съ женою Анелей и съ ними громадный полковникъ Амарантовъ, теперь булочникъ и музыкантъ, когда то лихой командиръ броне-поѣзда проходили въ калитку. На Ферфаксовѣ, какъ и на Амарантовѣ были надѣты новенькіе костюмы, ори[79]гинальнаго покроя, и Ольга Сергѣевна сейчасъ же обратила вниманіе на ихъ платье. На нихъ были совершенно одинаковые пиджаки, что ничего бы особеннаго не представляло: — Русскіе офицеры всѣ болѣе или менѣе одинаково одѣвались, но Ольгу Сергѣевну поразило то, что костюмы ихъ были — и это она сразу своимъ женскимъ глазомъ подмѣтила и оцѣнила — не изъ дешеваго „бѣженскаго” матеріала построены и не были куплены въ универсальномъ магазинѣ готоваго платья, или на открытомъ рынкѣ, гдѣ покупали они всегда, но сшиты изъ прекраснаго англійскаго темно-синяго сукна и у хорошаго портного. И покрой ихъ былъ особенный. Это были штатскіе пиджаки, но было въ нихъ что то военное. Юбка была шире и длиннѣе, и карманы были большіе. Воротъ былъ мало открытъ, за нимъ немного были видны тоже одинаковыя сѣро-синія рубашки и одинаковые галстухи синяго цвѣта съ узкой серебряной дорожкой.

— Что это, господа, вы точно въ формѣ?... Развѣ вы одного полка?

— Ну какъ, — здороваясь съ Ольгой Сергѣевной, отвѣчалъ Ферфаксовъ. — Я коренной Заамурець, а Викторъ Павловичъ — лихой двѣнадцатой, Калединской.

Видъ у Ферфаксова былъ какой то хитрый и таинственный. Подъ мышкой онъ держалъ большой пакетъ съ древеснымъ углемъ.

Ольга Сергѣевна хотѣла еще попытаться протестовать противъ шашлыка въ ихъ садикѣ, но въ калитку входили Дружокъ и молодой князь Ардаганскій. Надо было принимать ихъ. Князь Ардаганскій — Михако — его всѣ такъ звали несъ коробку съ пирогомъ.

Онъ былъ тоже въ такомъ же синемъ полувоенномъ костюмѣ, только галстухъ у него былъ безъ серебряной строчки.

— У тебя, Георгій Димитріевичъ, совсѣмъ, какъ на войнѣ, — говорилъ красивый Парчевскій. — Знаешь у какойнибудь халупы... А эти — онъ кивнулъ на дѣда и внука Агафошкиныхъ — ну право, какъ деньщики изъ запасныхъ „дядей” и молодыхъ „бѣлобилетчиковъ”... Да вотъ оно какъ!... И это во Франціи?... Шашлыкъ?... [80] А вѣдь и правда шашлыкъ!...

— Господа, — командовалъ Ротовъ, — прошу какуюнибудь папку, чтобы раздувать уголья.

Нифонтъ Ивановичъ, уже соорудившій между поставленными на ребро кирпичами маленькій костерчикъ изъ бумаги и щепокъ, сейчасъ же отозвался.

— Не хорошо будетъ, я кусокъ подошвенной кожи принесу?

— Отлично, станица.

Ферфаксовъ насыпалъ на костеръ уголья.

— Господа, только пожалуйста безъ помощниковъ! Ротовъ скинулъ съ себя пиджакъ и, широко разставивъ ноги надъ угольями, большимъ лоскутомъ твердой желтой кожи раздувалъ огонь. Душнымъ жаромъ несло отъ еще черныхъ углей.

— Можетъ быть, Нико, вамъ помочь, нанизать мясо на вертела, — сказалъ Парчевскій.

— Никакихъ помощниковъ, сейчасъ и готово. — Это почти-что, какъ балетъ. Дѣвочки съ дѣвочкамъ танцуютъ, а мальчиковъ почти-что нѣтъ!

Откинувъ въ сторону подошвенную кожу, Ротовъ зажалъ подъ локоть ампутированной руки стальные вертела и ловко здоровой рукой началъ низать сочные, розовые куски баранины. Сало текло по его пальцамъ. Онъ ихъ отиралъ полотенцемъ, лежавшимъ на его колѣняхъ.

— Огонь все очищаетъ. На огнѣ все сгараетъ. — приговаривалъ онъ.

Нифонтъ Ивановичъ замѣнилъ его надъ угольями, которые уже начинали краснѣть. Гости толпились около костра. Ротовъ накладывалъ на кирпичи вертела, и своеобразный запахъ поджариваемой баранины шелъ отъ нихъ.

— Какъ это мнѣ Владикавказъ напоминаетъ, — сказала Лидія Петровна.

— А мнѣ Константинополь... Помните эти маленькія улочки вечеромъ, — сказала Ольга Сергѣевна и тяжело вздохнула.

Пестрыя воспоминанія рождались въ головахъ и исчезали вмѣстѣ съ восточнымъ запахомъ поджариваемого мяса. [81]

— Господа, прошу садиться. Ольга Сергѣевна, пожалуйста тарелки, — командовалъ Ротовъ.

Садились на чемъ, кому досталось. Ферфаксовъ, Амарантовъ и князь Ардаганскій усѣлись втроемъ прямо на землѣ. Старый Агафошкинъ обносилъ стаканами съ краснымъ виномъ. Быстро темнѣло. Надъ городомъ стояло розовое зарево. Въ садикѣ было сумрачно. Жидкіе кустики сирени казались сплошною зарослью. За ними не стали видны заборы палисадниковъ. Стоявшій у входа въ переулочекъ высокій фонарь бросалъ клочки свѣта на деревья и кусты, и все въ этомъ неясномъ освѣщеніи стало казаться не тѣмъ, что было. Нордекову и точно стало представляться, что это не крошечная вилла „Les Coccinelles” въ Парижскомъ предмѣстьи, но какой то бивакъ на войнѣ, и не заборы и стѣны домовъ стоятъ кругомъ, но громадные прикарпатскіе лѣса. Трое гостей — Амарантовъ, Ферфаксовъ и Михако — одѣтые въ однообразную одежду, въ одинаковыхъ черныхъ шляпахъ съ широкими полями и правда были похожи на солдатъ какого то экзотическаго, будто американскаго войска. Всѣ притихли. Занялись шашлыкомъ. Раздавались короткія замѣчанія.

— Ну и шашлыкъ!... Такого и на Кавказѣ не достанешь!...

— Хорошо было бы еще его съ барбарисомъ приготовить!...

— Это Карскій шашлыкъ.

— Нѣтъ, Карскій шашлыкъ готовится изъ цѣльнаго куска бараньяго сѣдла.

— И гдѣ это вы, Нико, такую баранину достали?

— Удивительная баранина.

Леночка стояла сзади, смотрѣла и ничего не понимала. Вотъ они тѣ „бѣлые”, капиталисты, буржуи, о комъ она такъ часто слышала въ Россіи... Ей говорили: — у нихъ голодъ, гораздо болѣе лютый, чѣмъ въ совѣтской республикѣ... Готовятъ шашлыкъ и не боятся никого и ничего. И какъ свободно обо всемъ говорятъ!.. Точно у себя дома... Что же это свобода, или свобода тамъ, откуда она уѣхала?... [82]

И вдругъ стала тишина. Разговоры смолкли. Ночь колдовала и красивые несла сны. Слова казались пошлыми. Красные уголья покрылись сѣрымъ пепломъ. Было темно. Нордековъ, онъ таки и выпилъ подъ баранину и послѣ баранины немало, уже не разбиралъ, кто былъ противъ него... Какіе то американцы... Солдаты... Солдаты — въ это понятіе, такъ много вкладывалъ онъ совѣмъ особаго чувства. Солдаты это были тѣ, кто только и могъ освободить Россію и создать въ ней такую же прекрасную жизнь, какая была сейчасъ здѣсь, въ этомъ таинственномъ саду, совѣмъ не походившемъ на крошечный палисадничекъ виллы „Les Coccinelles”. Дивныя видѣнія вставали въ его памяти... Сотни биваковъ у костра, тысячи людей такъ имъ любимыхъ и дорогихъ, его солдатъ и офицеровъ.. „Да это все вѣдь и сидятъ офицеры”, — думалъ онъ и всю силу любви вкладывалъ въ это слово.

И въ этой тишинѣ сама собою родилась пѣсня.

Кто запѣлъ ее, — Нордековъ не замѣтилъ. Кажется, это Амарантовъ, сидѣвшій между Ферфаксовымъ и Михако завелъ ее такимъ нѣжнымъ теноромъ, какого нельзя даже было и ожидать отъ такого крупнаго и рослаго человѣка.

— На берегъ Дона и Кубани
Мы всѣ стекались, какъ одинъ...

И точно вздохнуло нѣсколько голосовъ, повторяя:

...Какъ одинъ...

И еще нѣжнѣе, точно самую душу раздвигая и входя въ святое святыхъ ея, сладкій теноръ продолжалъ:

— Святой могилѣ поклонялись
Гдѣ вѣчнымъ сномъ спитъ Калединъ...
Чуть слышно вздохнулъ хоръ:
— ... Калединъ...

[83] XVIII.

Пѣсня слѣдовала за пѣсней. Изъ сосѣднихъ палисадниковъ заглядывали французы. Слышались апплодисменты и сдержанные крики браво. Нифонтъ Ивановичъ съ заплаканнымъ лицомъ трясущимися руками наливалъ вино въ протягиваемые ему стаканы.

И въ самый разгаръ этого колдовскаго сна, когда настоящее совѣмъ растворилось въ прошломъ и, казалось, что будетъ и будущее, съ каменнаго крыльца спустилась Нео-

нила Львовна съ большою корзиною въ рукахъ. За нею шла точно сконфуженная, виноватая въ чемъ то Топси.

„Мамочка” рѣшительными шагами подошла къ полковнику и, протягивая ему корзину, сказала:

— Уже первый часъ, Георгій Димитріевичъ, завтрашній день наступилъ. Какъ хотите, а ихъ надо убрать. Хозяинъ три раза вчера присылалъ — чтобы до свѣта никакихъ собакъ у насъ не было, иначе... сами понимаете?

Въ корзину, тѣсно прижавшись другъ къ другу, лежало шесть маленькихъ клубочковъ шелковистой шерсти. Изъ отворенной на виллу двери на нихъ лился свѣтъ, и они мигали черными изюминками глазъ и испуганно озирались на обступившихъ ихъ людей.

— Боже, какая прелесть, — воскликнула Лидія Петровна. — Посмотрите-ка на этого съ бѣлой мордочкой!

— Ихъ написать великолѣпно... и въ этомъ освѣщеніи... — сказалъ Дружко.

— Тоже, поди, жить и имъ хочется, — сказалъ Парчевскій.

— Еще и какъ, — груднымъ задушевымъ голосомъ протянула Лидія Петровна.

— Вы слышали... Ихъ приказано прикончить до свѣта, — сказалъ Нордековъ. — Викторъ Павловичъ, ты силачъ и герой... Помнишь, какъ въ Крыму ты съ бронепоездомъ цѣлую дивизию красныхъ держалъ... И [34] потомъ доплылъ до англійскихъ кораблей. Ну-ка помоги намъ спровадить ихъ на тотъ свѣтъ...

— Идѣже нѣсть болѣзни, ни печали, ни воздыханія, — басомъ провозгласилъ Ферфаксовъ.

— Ну вотъ еще, — сказалъ Амарантовъ, — шестьдесятъ большевиковъ хоть сейчасъ своими руками задушу. А этихъ шестерыхъ... За что лишать ихъ жизни, которую имъ послалъ Господь?

— Это, какъ дитѣ убить, чисто какъ дитѣ, — вставилъ слово Нифонтъ Ивановичъ.

— Но какъ то порѣшить ихъ надо, — нерѣшительно заговорилъ Нордековъ. — Таковъ французскій законъ... Собакъ не дозволяется... Задушить ли, камнями ли побить, въ водѣ ли утопить, а угробить какъ то надо? Чтобы не дышали... А ни-ни!... Нельзя... Il faut... Pas possible. Et alors!...

— Ну да, — сказалъ Ферфаксовъ, — законы на то и пишутся, чтобы ихъ обходить.

— Ну только не французскіе, — сказалъ Парчевскій, — это Русскіе Императорскіе законы мы всегда стремились обходить и вотъ и дообходились, что вотъ куда зашли... Гдѣ, хочешь не хочешь, а исполняй законъ.

— Анеля, возьмемъ одного... Совсѣмъ какъ мой Берданъ будетъ. Помнишь?

— Вѣте паньство!... Сказали тоже!... А что консьержка скажетъ?... Какъ намъ такого звѣря держать на шестомъ этажѣ въ мансардѣ.

— Стасику была бы игрушка...

— Вамъ все игрушки, а мнѣ разорваться, прибирая за вами.

— Да я возить его съ собою буду. Знаете, господа, у одного офицера, шоффера, какъ и я есть собака „вольфъ”. Такъ она всегда подлѣ него у руля сидитъ. И такъ онъ ее, симпатягу, заучилъ, что, если кліентъ мало даетъ на чай, онъ ее незамѣтно толкнетъ, а та высунется въ окошко да на кліента „rrr”, зарычитъ... Мало, молъ, даешь... А если кліентъ разщедрится, онъ ей скажетъ: — „dis merci à monsieur” и его „вольфъ” — правую лапу къ уху — честь, значить, отдаетъ!... Пасть [85] откроетъ... Улыбается. Такая славная умная собачушечка... Всѣ кліенты ее прямо обожаютъ... Вотъ и у меня такъ же будетъ...

— Ну нечего, нечего, сказки рассказывать, — сказала Анеля и потащила мужа отъ корзины со щенятами за рукавъ.

Неонила Львовна поставила корзину на землю и строго сказала:

— Какъ хотите, а кончайте до свѣта. — И пошла твердою поступью обратно на дачу.

— Нѣтъ, это и правда тяжело, — сказалъ Нордековъ. — Подумайте, собака совсѣмъ беспомощна. Она вѣритъ человѣку и такое предательство...

— А что, если, господа, китайцамъ свезти. На кухню... Подлѣ Ліонскаго вокзала есть, говорятъ, такой ресторанъ... Тамъ собакъ готовятъ... Все таки, какъ то лучше, чѣмъ такъ душисть?... — предложилъ Парчевскій.

— Это надо, чтобы черные язычки у нихъ были, — изъ угла отозвался Ферфаксовъ.

Корзина, подлѣ которой смущенная и виноватая, все поглядывая на людей, вертѣлась Топси, разрушила колдовскіе сны ночи и пѣсень. Парчевскій отошелъ къ забору и мрачно курилъ. Мишель Строговъ шептался у дома съ Леночкой. Дружко подходилъ къ щенятамъ то съ одной, то съ другой стороны, щурилъ помутнѣвшій глазъ, любовался ими, щелкалъ языкомъ и говорилъ, ни къ кому не обращаясь: — Ахъ ты, ну какіе право, аппетитные... А тона то!... Масломъ ли, водою, или итальянскимъ карандашемъ ихъ хватить!... Карти-ина!...

Разговоръ не клеился. Амарантовъ началъ было вспоминать, какъ первый разъ онъ встрѣтился съ Нордековымъ на войнѣ, но тотъ слушалъ какъ то разсѣянно и, наконецъ, рукой махнулъ и сказалъ съ отчаяніемъ:

— Ахъ, да не до того мнѣ теперь!

Ольга Сергѣевна сидѣла въ углу палисадника съ Лидіей Петровной. Она смотрѣла на мужа, и злая улыбка кривила ея губы. Недобрымъ огнемъ загорались ея глаза. Презрѣніе было въ нихъ.

Леночка вдругъ прошла къ самой корзине. [86]

— Ну что налюбовались, — съ какимъ то вызовомъ сказала она и взялась за ручки корзины.

Всѣ разступились передъ нею. Она подняла корзину и унесла ее обратно на дачу.

И какъ только унесли эту корзину, всѣмъ стало легче. Парчевскій съ силой бросилъ папиросу и сказалъ ни къ кому не обращаясь:

— Эхъ, жаль, пьянино нѣтъ... Часъ то такой, что самое время подъ пьянино цыганщину пѣть.

— А на столѣ чтобы недопитые стаканы шампанскаго стояли, да на хрустальныхъ блюдечкахъ каленый миндаль съ крупною солью, — оживляясь, сказалъ Дружко. — Вотъ оно какъ, Михако, у насъ бывало въ старые то годы.

— И блѣдный свѣтъ утра... Разсвѣтъ зарождается, — продолжалъ вспоминать Парчевскій. — Трубачи устали забавлять господъ и пошли пиво пить съ французскими булками и колбасой.

— Эхъ и колбаса, братцы, была, — воскликнулъ, окончательно прогнавшій мысли о приговоренныхъ къ смерти щенятахъ Дружко. — Вареная, съ саломъ и чеснокомъ... На зубахъ, ажъ хруститъ...

— И позовемъ мы пѣсенниковъ. Вотъ, когда шло сліяніе съ народомъ... Четвертная водки... Пьяныя мокрая уста... Поемъ вмѣстѣ и пьемъ вмѣстѣ. Дружко, ты помнишь, у васъ въ полку былъ запѣвало Кареловъ?

— А что!... Да Викторъ Павловичъ нѣшто ему уступить? Чѣмъ мы сами то не пѣсенники?

— Такъ что же? — нѣтъ солдатъ — мы сами солдаты... Нѣтъ пѣсенниковъ — мы за нихъ...

— Нѣтъ Россіи, — тихо и зло сказала съ крыльца Ольга Сергѣевна.

— Мы и сами Россія, — весело и пьяно отвѣтилъ ей Дружко. — Не пропадетъ, поди, она. Куда ей дѣваться? Запѣвайте, Викторъ Павловичъ...

Никто не замѣтилъ, какъ снова вошла въ палисадникъ Леночка. Она принесла что то круглое, плотно укутанное подушками и пледомъ, какой то низкій стулъ и крѣпко усѣлась на немъ, поднявъ высоко колѣни. Подлѣ нея стала, повиливая хвостомъ словно печальная Топси. Леночка сидѣла и слушала пѣсни, опустивъ лицо на ладони и облокотившись о колѣни. Ея лицо было задумчиво и строго.

— Молись, кунакъ, въ странѣ чужой,
Молись, кунакъ, за край родной,
Молись о тѣхъ кто сердцу милъ
Чтобы Господь ихъ сохранилъ,

лилась къ самому небу пѣсня.

Французы сосѣди давно полегли спать. Съ сосѣдней дачи присылали сказать, нельзя ли потише, нельзя ли перестать пѣть. Никто и вниманія не обратилъ на посланца.

— У насъ въ Медонѣ никогда бы не посмѣли такъ нахальничать, — сказалъ Парчевскій.

— Стоитъ ли стѣсняться въ своемъ отечествѣ, — сказалъ Дружокъ. Онъ, чтобы звончѣе пѣть зажималъ себѣ горло подъ кадыкомъ.

— Пускай теперь мы лишены
Родной страны, родной семьи,
Но вѣримъ мы: — настанетъ часъ
И солнца лучъ блеснетъ для насъ...

Послѣдній поѣздъ на Парижъ давно прогудѣлъ не-вдалекѣ.

— Что жъ, господа, до перваго метро, — предложилъ Дружокъ.

— Конечно... Конечно, — сказала Ольга Сергѣевна. Въ ея голосѣ звучали усталость и раздраженіе, но никто не обратилъ на это вниманія. [88]

— Предложеніе принято единогласно, — сказалъ Нордековъ.

Снова запѣли.

Свѣтало. На лиловыхъ кистяхъ сирени свинцовымъ налетомъ легла роса. Воздухъ былъ чистъ и свѣжъ. Вдали розовѣлъ востокъ. Золотые лучи тамъ играли. На верху небо съ каждымъ мигомъ становилось голубѣе. Надъ Парижемъ дымными языками клубился туманъ. Съ Сены, должно быть съ моторной баржи, неслись рѣзкіе звуки трубы.

Все устали, притихли, какъ то осоловѣли.

Леночка поднялась съ своего низкаго сидѣнья. Ея лицо было блѣдно. Глаза горѣли суровымъ огнемъ. Брови были нахмурены. Что то мужественное было въ ея прекрасныхъ глазахъ. Она казалась худѣе и стройнѣе въ блѣдномъ свѣтѣ утра.

— Ну вотъ и готово, — сказала она.

Никто ее не понималъ. Непонятная тревога охватила Ольгу Сергѣевну.

— Что готово?... — спросила она.

— Собачки ваши.

— Что такое вы сдѣлали съ собачками? — грозно подступая къ Леночкѣ, сказалъ Нордековъ.

— А вотъ, сами смотрите.

Леночка подняла подушки и пледъ, на которыхъ сидѣла. Подъ ними оказалась корзина. Въ ней неподвижными, жалкими, точно сморщенными комочками лежали щенята. Леночка взяла корзину за край и вытряхнула ихъ на землю.

Первый лучъ солнца упалъ на нихъ. Съ жалобнымъ повизгиваніемъ, плача, крутилась подлѣ нихъ Топси. Она точно жаловалась кому то на людскую жестокость и несправедливость.

— Леночка, да что же это значить?.. Какъ ты могла только, — съ нечеловѣческимъ страданіемъ въ голосѣ крикнула Ольга Сергѣевна.

— Да вѣдь вы хотѣли отдѣлаться отъ нихъ... Ну, я и рѣшила вамъ помочь. Закутала ихъ чѣмъ могла поплотнѣе, чтобы имъ никакъ дышать было невозможно... Сѣла... Сижу.. Слышу, чуть пищатъ... Возьматся... Тоже и [89] имъ, значить, умирать не сладко... Ну а потомъ затихли... Вы и про кунака пропѣть не успѣли, а они уже готовы. Жмуриками стали... Теперь только закопать и вся недолга. Развязала я васъ.

— Дѣйствительно... развязала, — со слезами въ голосѣ воскликнула Ольга Сергѣевна.

Напряженное молчаніе было въ палисадникѣ. Всѣ толпились подлѣ щенятъ. Дружко даже снялъ шляпу. Никто не поднималъ глазъ на Леночку. У всѣхъ была одна мрачная, больная, страшная и острая мысль: — „совдепка”...

— Мнѣ въ глаза Топси будетъ стыдно смотрѣть, — тихо сказалъ полковникъ.

Никто ничего не возразилъ. Головы опустились ниже. Изъ толпы этихъ пожилыхъ, потрепанныхъ жизнью, видавшихъ всякіе виды людей, отдѣлился Мишель Строговъ. Онъ твердыми шагами подошелъ къ Леночкѣ и, протягивая ей руку, сурово сказалъ:

— Я уважаю васъ, Леночка. Вы настоящей человѣкъ...

Его слова точно вывели всѣхъ изъ вдругъ охватившаго ихъ столбняка. Всѣ засуетились и стали прощаться съ хозяевами, точно торопясь уйти отъ того мѣста, гдѣ лежали мертвые щенята.

— Милая, это ужасно, — протягивая руку и цѣлуя въ щеку Ольгу Сергѣевну, говорила Парчевская. — Въ четвергъ въ половинѣ девятаго на спѣвку.

— Славнечко провели время, — зѣвая говорилъ Дружко. — Только вотъ это самое ужасно, какъ мнѣ не понравилось. Какая, однако, жестокость и хладнокровіе...

— Факсъ, ты въ гаражъ?

— Нѣтъ. Я больше не работаю на такси. Въ бюро предупредилъ, что не буду. Посплю до полудня.

— Господа, дойдемъ пѣшкомъ до подземки. Не стоитъ поѣзда ждать. Утро такое прекрасное.

— Да послѣ всего этого надо все-таки подышать свѣжимъ воздухомъ.

И кто то негромко, но четко сказалъ: — совдепка! Ольга Сергѣевна и полковникъ провожали гостей [90] до калитки. Нифонтъ Ивановичъ на томъ мѣстѣ, гдѣ жарили шашлыкъ тяжелой, садовой лопатой рылъ могилу для щенковъ. Топси все продолжала жалобно скулить.

Въ воротахъ Ольга Сергѣевна еще разъ поцѣловалась съ Парчевской. Мужчины и Анеля, громко разговаривая, спускались по каштановой аллеѣ на рыночную площадь.

Ольга Сергѣевна показала Лидіи Петровнѣ рукой на уходящихъ.

— Видали, — сказала она. — Это же ужасно... Божіи коровки какія то!...

— Но, милая, вы слишкомъ строги... Они же такъ много пережили.

— Тѣмъ болѣе... И кто же... Дѣвушка!... Оттуда!...

— Послушайте, милая... Ихъ всѣхъ, и ее, надо понять и простить...

— Ахъ, не могу больше ни понимать ни прощать...

— Лида, — крикнулъ изъ толпы Парчевскій. — Что же ты? Идемъ.

Въ толпѣ зарождалась въ полголоса запѣтая пѣсня:

— Смѣло пойдѣмъ мы
За Русь святую...

Еще во время вечеринки Ферфаксовъ улучилъ минуту и, отвѣдя Нордекова въ сторону, сказалъ ему:

— Вы Ранцева знаете?

— Такъ не знакомъ, а слыхалъ. Онъ предсѣдатель Маріенбургскаго полкового объединенія. Мы съ нимъ контактъ держимъ.

— Удивительнѣйшій по нашему времени человѣкъ... Рыцарь... Честность и офицерскій долгъ... Такъ вотъ этотъ Ранцевъ мнѣ говорилъ: — сюда изъ Чехословакіи пріѣхалъ нѣкто Стасскій. Въ прошломъ едва [91] ли не революціонеръ... Антимилитаристъ... Ну, да Ранцевъ, я васъ съ нимъ познакомлю, — вамъ все про него расскажетъ. Стасскій считался когда то первымъ умомъ въ Россіи... Теперь глубокой старикъ. Въ будущую субботу онъ читаетъ здѣсь лекцію о томъ, что происходитъ въ Россіи... Пойдемте... Входъ свободный. Три франка на покрытие расходовъ.

— Непремѣнно.

Это было слабостью Нордекова и Ферфаксова: — набираться чужого ума, ходить по лекціямъ и докладамъ, которые бывали въ тѣ времена въ Парижѣ почти каждый день.

Нордековъ давно, еще въ годы своей Петербургской службы, слыхалъ о Стасскомъ. Теперь о немъ шумѣли эмигрантскія газеты. Отъ него ожидали глубокаго профессорскаго, академическаго анализа сущности совѣтской власти. Ожидали откровенія, пророчества.

Ранцевъ, встрѣченный Нордековымъ у входа въ залъ, на вопросъ, зналъ ли онъ лично Стасекаго, отвѣтилъ:

— Я его, можно сказать, совсѣмъ не знаю. Одинъ разъ какъ то видѣлъ его на вечерѣ и слышалъ, какъ онъ говоритъ. Ужасный человѣкъ. По настоящему ему тогда уже было мѣсто гдѣ нибудь въ тюрьмѣ, или въ ссылкѣ, а еще того лучше въ сумасшедшемъ домѣ, но, вы знаете, какъ было слабо наше правительство съ такими господами. „Стасскій первый умъ Россіи"... „Стасскій другъ графа Льва Николаевича Толстого", — какъ же такого сослать?... Съ нимъ нянчились... Его принимали въ великосвѣтскихъ салонахъ... Онъ проповѣдывалъ самый крайній анархизмъ и антимилитаризмъ. Потомъ, говорятъ, раскаялся и перемѣнился. Умъ ѣдкій и оригинальный. Ему приписываютъ формулу: — „ни Ленинъ, ни Колчакъ". Мнѣ рассказывали, что въ Крыму онъ бывалъ у генерала Врангеля, помогалъ ему своимъ вѣсомъ въ общественныхъ кругахъ, своимъ умомъ и богатými знаніями. Въ Добровольческой арміи его даже будто полюбили, и онъ самъ измѣнилъ свой взглядъ на „военщину", какъ онъ насъ называлъ... Онъ безъ копѣйки очутился за границей, но у него вез[92]дѣ старые друзья. Онъ близокъ ко многимъ главамъ нынѣшнихъ правительствъ. Когда то съ ними разрушалъ Императорскую Россію... Ему помогаютъ... Для него безкорыстно работаетъ наша молодежь... У него друзья и тамъ... Въ Россіи... Ея мучители — его бывшіе пріатели... Я думаю, онъ многое знаетъ, чего мы не знаемъ.

— Потому то вы и пришли... Я никогда раньше не видалъ васъ ни на какихъ докладахъ.

Какая то тѣнь пробѣжала по лицу Ранцева. Онъ точно нехотя отвѣтилъ:

— Отчасти и потому.

— Да, какъ можно не быть на такомъ докладѣ, — воскликнулъ Ферфаксовъ. — Вы посмотрите весь эмигрантскій Парижъ собрался сюда. Какой сѣздъ!... Этотъ докладъ событіе въ нашей бѣженской жизни.

У нихъ мѣста были на хорахъ. Оттуда все было отлично видно. Залъ былъ небольшой, но помѣстительный. На невысокой эстрадѣ стоялъ, какъ полагается, длинный столъ, накрытый зеленымъ сукномъ, для президіума. На немъ лежали листы бѣлой

бумаги, стоялъ графинъ со ржавой водой и стаканъ для оратора. Точно тутъ ожидался судъ. Кого будутъ судить на немъ: — Россію, или эмиграцію?..

Подъ гомонъ голосовъ и стукъ шаговъ залъ быстро наполнялся. Въ переднихъ рядахъ усаживались старые генералы. Они, какъ и всѣ, были въ скромныхъ пиджакахъ. Кое кто изъ чиновъ постарше надѣлъ сюртукъ ласточкой, или потертый „официальный” смокингъ.

На краю перваго ряда въ длинномъ черномъ сюртукѣ сѣлъ красивый старикъ Федоровъ, другъ учащейся молодежи, взявшій на себя тяжелую и неблагодарную работу стучать въ черствыя людскія сердца и заставлять людей открывать тяжелые, набитые и легкіе скудные кошельки, чтобы помогать Русской молодежи, жаждущей знаній. Его лицо, обрамленное сѣдою бородой было скорбно и устало. Не легкоъ былъ взятый имъ на себя крестъ помощи ближнему. Годъ отъ года оскудѣвала рука дающаго, и сколько было нужно силы воли, характера, изобрѣтательности и любви къ учащейся молодежи, чтобы добывать средства! Новая ни[93]ва росла, поднималась и требовала помощи. Полчища молодежи Русской устремлялись въ университеты и политехникумы, и кто имъ поможетъ?

Рядомъ съ нимъ сѣлъ, рѣзко выдѣляясь на фонѣ штатскихъ костюмовъ своей черной черкеской съ бѣлыми гозырями, генераль Баратовъ, предсѣдатель союза инвалидовъ. Одинъ просилъ для будущаго Россіи, другой просилъ поддержать тѣхъ, кто до конца исполнилъ свой долгъ передъ Родиной и, проливъ за нее кровь, сталъ инвалидомъ. Баратовъ медленно вытянулъ раненую ногу и положилъ вдоль нея черную палку съ резиновымъ наконечникомъ. Онъ снялъ съ сѣдой головы большую бѣлую папаху и, привѣтливо, ласково оглянувъ залъ, сталъ раскланиваться со знакомыми, а знакомыми у него были всѣ слушатели.

Нордековъ, всѣхъ положительно знавшій, называлъ Ранцеву писателей: — З. Н. Гиппиусъ, философа Д. С. Мережковскаго, М. А. Алданова, чьими романами онъ зачитывался, И. С. Сургучева, С. Яблоновскаго... представителей партій и политическихъ группировокъ. А. Н. Крупенскій по странной случайности оказался рядомъ съ П. Н. Милюковымъ, а подлѣ молодого и задорнаго Каземъ-Бека усѣлся старый Зензиновъ.

На лекцію пришли Великіе Князья, и была одна Великая Княгиня, давнишній кумиръ Ранцева и Нордекова. Въ шелковыхъ рясахъ и въ строгихъ черныхъ пиджакахъ были и духовныя особы обѣихъ расколовшихся церквей.

Стасскій, всю свою жизнь всѣхъ разъединявшій, теперь объединилъ своею интересною лекціей людей самыхъ различныхъ направленій.

Залъ своимъ видомъ, не блестящимъ — нѣтъ, онъ былъ тусклъ и не наряденъ костюмами, но онъ блисталъ именами, каждое войдетъ со временемъ въ исторію, — одни, какъ разрушители Императорской Россіи, другіе, какъ смѣлые и неутомимые борцы за великую Россію, создатели Добровольческой арміи и всего „бѣлаго” движенія, — показывалъ, что тутъ былъ весь Русскій Парижъ.

Не мало было и иностранцевъ. [94]

Рядомъ съ Нордековымъ высокій красивый французъ по старинному съ длинной и узкой сѣдой бородкой говорилъ сопровождавшему его Русскому. Нордековъ невольно прислушался къ его словамъ.

— L'Europe est promise au plus douloureux avenir. Elle refuse de s'en rendre compte. C'est une aveugle volontaire. Qui pourrait lui dessiller les yeux? La presse ne peut plus remplir le rôle pour qui elle avait été naguère créée. Les juifs ont magnifiquement travaillé. Contre leur puissance et leur action, nous sommes to-talement désarmés. Dans notre sphère individuellement, nous tenons de formuler la vérité. Mais nous sommes considérés comme des prophètes de mauvaise augure. Vous savez que le peuple n'aime pas à entendre la vérité. Les mensonges flatent son desir de sécurité. J'adore les mensonges.¹

¹ Будущее Европы самое печальное. Она не отдаетъ себѣ въ этомъ отчета. Это добровольная слѣпота. Кто можетъ ей открыть глаза? Газеты уже не могутъ выполнять ту роль, къ которой онѣ призваны. Жиды

— Сейчас вы услышите правду, — отвѣчалъ ему по французски Русскій.

— А... Правду! — съ большой горячностью сказалъ французъ. — Какъ хотите вы бороться противъ громадной еврейской организаціи? Она вездѣ. Elle tient tous les carrefours². Къ власти она пускаетъ только своихъ, „услужающихъ”, или убѣжденныхъ къ повиновенію, или купленныхъ... Мы побѣждены, даже и не понимая того, что мы не боролись... Послушаемъ, что намъ скажетъ вашъ Illustre³. Вы мнѣ будете переводить.

— Съ особымъ удовольствіемъ. [95]

Президіумъ, и опять все имена, знаменитости, крупнѣйшія величины лѣваго и праваго лагерей — занялъ свои мѣста за столомъ. Портъера позади стола распахнулась. Залъ разразился громомъ рукоплесканій. Многіе встали. Рядомъ съ Нордековымъ какой то совершенно лысый человѣкъ неистово хлопалъ въ ладоши, весь перегнувшись за перила хоровъ. Изъ за эстрады къ столу подошелъ Стасскій.

XXI.

Онъ былъ очень старъ и, видимо, слабъ. На немъ, какъ на вѣшалкѣ, висѣлъ длинный, черный, старомодный сюртукъ. Въ толпѣ кто то сказалъ — „народовольческій”. И точно: — отъ костюма Стасскаго повѣяло шестидесятыми годами.

Совершенно лысый черепъ былъ цвѣта слоновой кости. Сивые волосы рѣдкими прядями обрамляли только шею и спускались косицами на воротникъ. Сморщенное, бѣлое, какъ у покойника, лицо было покрыто сѣтью частыхъ мелкихъ морщинъ. Жиденькая бородка торчала ядовитымъ клинушкомъ... Руки у него были длинныя съ узловатыми тонкими пальцами. Онъ походилъ на хищную птицу.

— Настоящій кондоръ — орелъ стервятникъ, — прошепталъ на ухо Нордекову Ферфаксовъ. — Если бы вечеромъ увидалъ такого въ горахъ, — пристрѣлилъ бы его за милую душу.

Стасскій поклонился, легкимъ наклономъ головы отвѣчая на сдѣланную ему овацію, и оперся обѣими руками о край стола.

Аплодисменты стихли. Стала напряженнѣйшая тишина. Стасскій не торопился начинать. Нордекову показалось, что онъ такъ старъ и слабъ, что не въ силахъ будетъ говорить.

Но голосъ Стасскаго раздался, и дѣйствительно, совершенно отвѣчая его наружности, онъ походилъ на орлиный клекотъ. [96]

Стасскій бросалъ отрывистыя, безсвязныя фразы, какъ всѣ Русскіе ученые злоупотребляя иностранными словами. Первое впечатлѣніе было — большое разочарованіе.

— Да онъ совсѣмъ не ораторъ!...

Но Стасскій зналъ, что дѣлалъ. Онъ бросалъ свои отрывистыя мысли, какъ скульпторъ бросаетъ глину на болванку. Онъ лѣпилъ ихъ безобразными комками, едва давая очертанія того лица, какое онъ хотѣлъ вылѣпить. И сейчасъ же онъ принимался эти наспѣхъ безсвязно брошенныя мысли дополнять, разъяснять, передѣлывать, опровергать, измѣнять и вдругъ, и совершенно неожиданно для слушателя, мысль Стасскаго вставала необыкновенно ясная и выпуклая.

— Репродукція... Воспроизведеніе... Я бы сказалъ — отображеніе... того, что происходитъ сейчасъ въ Россіи... Это... Депрессія... Какая то подавленность съ одной сто-

отлично работали. Мы безоружны противъ ихъ могущества и ихъ дѣятельности. Въ нашей сферѣ мы еще пытаемся искать истину. Но на насъ смотрятъ, какъ на пророковъ плохого сорта. Вы знаете, что народъ не любитъ слушать правду. Ложь ласкаетъ его желаніе безопасности. Онъ обожаетъ ложь.

² Она на всѣхъ перекресткахъ.

³ Знаменитость.

роны... Полная толерантность массъ... И вмѣстѣ съ тѣмъ неостывающей, вулканической какой то, революціонный пафосъ... Кипѣніе толпъ... Массовая психологія... Митинги и образованіе совѣмъ своеобразной демократіи, общественности въ тѣхъ слояхъ общества, гдѣ и самаго этого слова не понимали.

Нѣтъ, онъ совѣмъ не былъ старъ. И кто бы сказалъ, что ему за восемьдесятъ!... Душа его горѣла молодымъ огнемъ. Тѣло точно торопилось передать человѣческимъ языкомъ все то, что накипѣло въ его душѣ. Этотъ человѣкъ, казалось, понималъ и видѣлъ нѣчто скрытое отъ другихъ и спѣшилъ рассказать объ этомъ, пока онъ еще живъ, чтобы предупредить человѣчество о надвигающейся катастрофѣ.

— Соціализмъ проводится тамъ безповоротно... и жестоко... И какой соціализмъ! Соціализмъ Беллами и Уэлса! Соціализмъ необузданныхъ романистовъ, данный въ руки дикарямъ... Притомъ шовинистической какой то соціализмъ... Олицетвореніе и оформленіе всѣхъ старыхъ лозунговъ. „Кто не съ нами — тотъ противъ насъ“... Отсюда — чрезвычайки, неслыханный въ мірѣ терроръ... Ссылки, какихъ не знала Императорская Россія... Каторжныя работы... Рабство... Но соціализмъ — [97] это то, на что молились... Это религія массъ... Если страна совѣтовъ со всѣмъ тѣмъ уродлива и страшна — значитъ уродливъ и страшень и самъ соціализмъ. Кто, однако, посмѣетъ сказать это? Вотъ откуда эта всеобщая, вопреки здравому смыслу, поддержка совѣтовъ... Это поддержка соціалистами соціалистическаго правительства... А во вторую четверть двадцатаго вѣка, гдѣ не сидятъ въ Европѣ... Что въ Европѣ, во всемъ мірѣ — соціалисты? Кто же посмѣетъ сказать: — „соціализмъ — это глупость, соціализмъ — это утопія“... И — „свобода, равенство и братство“ тѣ самые лозунги, на которые болѣе вѣка молились — это обманъ.. Если не можете этого сказать вы, свободные и въ свободной странѣ находящіеся, какъ хотите вы, чтобы сказали это тамъ, гдѣ за одну такую мысль разстрѣливаютъ, казнятъ, пытаются и замучиваютъ... Поймите, какая же это сила!... Они... Ихъ режимъ... большевицкій... Вотъ кто то сказалъ — ихъ вѣра — оправдана и поддержана всѣми... всѣмъ міромъ... Ибо кто противъ нихъ — тотъ противъ соціализма...

Стаскій сдѣлалъ маленькую паузу, отпилъ воды и съ силою, какой нельзя было ожидать отъ него снова повторилъ:

— Кто осмѣлится пойти противъ соціализма?!... Въ немъ воспитаны наши отцы, наши дѣды... Мы сами выросли въ преклоненіи передъ нимъ. И дѣтей своихъ мы воспитали въ вѣрѣ въ соціализмъ...

Съ большимъ искусствомъ Стаскій сдѣлалъ краткій очеркъ развитія соціалистическаго ученія въ Россіи и въ Европѣ.

— Мы боролись противъ собственности, — говорилъ онъ теперь уже спокойно. — Прекрасное дѣло!... Мой другъ Левъ Николаевичъ Толстой не могъ мириться съ тѣмъ, что у одного столько тысячъ десятинъ, что онъ въ цѣлый день на лошади не можетъ объѣхать своего имѣнія, а у другого полторы десятины и громадная семья на шеѣ... Басня о клочкѣ земли, куда некуда куренка выпустить, стала такъ избитой, что я не стану вамъ повторять ее. Ну такъ вотъ — большевики совѣмъ упразднили собственность... Такъ вѣдь это же [98] торжество соціализма!.. И какъ я скажу своимъ избирателямъ, рабочимъ, въ огромномъ своемъ большинствѣ соціалистамъ и соціалистамъ тупымъ, что я иду противъ совѣтовъ?... Невозможно!... Тамъ въ Россіи, какъ въ странѣ неофитовъ энтузіазмъ массъ...

— Тамъ нищета и голодъ, — крикнулъ кто то изъ заднихъ рядовъ.

— Тамъ — небывалый подъемъ, пафосъ и энтузіазмъ массъ, — упрямо повторилъ Стаскій. — Тамъ „пятилѣтка“... „Погодите“, — говорятъ тамъ голодному... Да, не отрицаю: — голодному, оборванному, отрепанному, босому нищему обывателю, — „погодите, пройдетъ еще три, два, одинъ годъ и все у васъ будетъ... Наступитъ рай на землѣ... Эта легенда о раѣ, какъ ни уничтожаютъ религію въ человѣческихъ умахъ, лежитъ въ нихъ прочно... Этого рая ждутъ и въ этотъ рай вѣ р я т ь ... А когда чтонибудь уже очень не

удается... Вредители!... Показательные процессы всевозможных „спецовъ”, инженеровъ, агрономовъ, техниковъ... Это міровой капиталъ мѣшаетъ народу... Ну и вотъ: — распни ихъ — вредителей!

— Пятилѣтка имъ никогда не удастся — крикнулъ кто то съ мѣста.

— Какъ можно говорить: — „не удастся” о томъ, что уже удается. Другой, и совершенно праздный вопросъ — какую цѣной?... Весь союзъ совѣтскихъ, социалистическихъ республикъ, вся прошлая громадная Россія, скажу банальное избитое слово: — шестая часть свѣта, со ста сорока милліонами населенія обращается въ громадную фабрику, производящую все то, что нужно для человѣчества. Въ ней работаютъ — рабы. Нищіе, голодные, боящіеся окрика своихъ мучителей и притомъ фанатически вѣрующіе, что они проповѣдники новой свѣтлой религіи, религіи социализма... Это же Египетъ какой то... Египетъ временъ фараоновъ!... Но Египетъ съ усовершенствованными путями сообщенія, съ радіо, съ аэропланами... Вотъ они повсюду закупаютъ и заказываютъ коммерческой тоннажъ. Это готовится такой дампингъ, передъ которымъ не устоитъ никакое государство. Года черезъ два заводы Форда подъ Ниж[99]нимъ Новгородомъ выпускаютъ автомобили „Made in U.S.S.R.” цѣною, здѣсь, въ Парижѣ 2000 франковъ. Кто можетъ съ этимъ конкурировать?... Вы скажете: — „ихъ можно запретить... наложить такія пошлины, что они станутъ дороже здѣшнихъ”... Да не очень то запретите, когда самъ пролетаріатъ, сами рабочіе, скажемъ, работающіе у того же Рено, или Ситроена, кинутся покупать эту дешевку?.. Сами будутъ рубить сукъ, на которомъ сидятъ. Сами будутъ загонять себя въ социалистическое рабство. А потомъ придутъ корабли съ хлѣбомъ, со всевозможнымъ сырьемъ, съ лѣсомъ, добытыми въ громадныхъ государственныхъ колхозахъ рабскимъ трудомъ и завалятъ всѣ рынки... Вотъ недавно въ Бразиліи пришлось выкинуть нѣсколько тоннъ мѣшковъ съ кофе, чтобы не подорвать цѣнъ на кофе... Еще гдѣ то по той же причинѣ пшеницей топили паровозы... Совѣтскій дампингъ затопитъ всѣ рынки. Трудъ станетъ безцѣльнымъ. Государства станутъ передъ дилеммой: — или заводите у себя такой же рабскій трудъ, такую же скотскую жизнь, стройте чрезвычайки, разстрѣливайте неповинующихся рабочихъ, или становитесь въ полную зависимость отъ совѣтскаго союза и увеличивайте до безконечности арміи безработныхъ. Въ Европѣ готовится самое ужасное рабство и что примѣчательно: — сами будущіе рабы — рабочіе — куютъ себѣ рабское ярмо. У социализма два пособника: — жадность и глупость и оба они въ Европейскихъ демократіяхъ на лицо. Торжество социализма — обращеніе націи въ безсловесную толпу, которой легко управлять... И правители найдутся... Только будемъ ли мы тогда довольны своими правителями?..

Стасскій кончилъ. Онъ сдѣлалъ чуть замѣтное движеніе головой, нѣчто въ родѣ поклона и бессильно опустил на стулъ. Воспламенившійся было, въ старомъ тѣлѣ духъ угасъ. Передъ толпою былъ старикъ, такъ странно похожій на большую хищную птицу. Теперь эта птица словно была мокрой и нахохлилась.

Слушатели были подавлены. Раздавшіеся, было, жидкіе аплодисменты сейчасъ же и оборвались. Докладчикъ нарисовалъ такую жуткую картину будуща[100]го, что странно и дико было рукоплескать своей грядущей гибели.

Нѣсколько мгновений въ залѣ стояла тишина. Потомъ она стала прерываться отдѣльными возгласами.

— Если бы это говорилъ ктонибудь другой... какойнибудь провокаторъ, пріѣзжій изъ совѣтчины агентъ чрезвычайки, а то — Стасскій... Стасскій!...

— Первый умъ Россіи.. Социалистъ въ прошломъ.

— Какой онъ тамъ социалистъ. Никогда ни въ какой партіи не былъ. Типичный Русскій анархистъ. Всегда и все отрицавшій...

— Раньше отрицалъ Императорскую власть, религію, армію, потому что они были въ силѣ. Теперь отрицаетъ социализмъ, потому что настало его царство.

